

Анатолий Даниленко
Нэлли Амунова

СТАРЫЙ ОСКОЛ И ЕГО
РАСПАХНИТЕ
В ПРОШЛОЕ
ОКНО...

Старый Оскол
2014

УДК 821.161.1.0-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5 Бел
Д 18

Даниленко, А., Амунова, Н.

Д 18 Распахните в прошлое окно... [Текст]: стихи / Анатолий Даниленко, Нэлли Амунова – Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2014. – 152 с.

ISBN 978-5-905922-33-6

Сборник составлен из стихотворений и поэм двух авторов, познакомившихся в далекие 70-е годы прошлого столетия в обществе книголюбов города Джетыгара. В их стихах история страны, судьба народа, откровения души. Стихи дополнены фотографиями из архива общества книголюбов.

УДК 821.161.1.0-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5 Бел

ISBN 978-5-905922-33-6.

© Текст. А. Даниленко, 2014
© Текст. Н. Амунова, 2014
© Оформление. Издательство
РОСА, 2014

Когда-то посвятил влюблённый Блок
Почти что целый том Прекрасной Даме.
Но вот спуститься к ней, увы, не смог
С небес им созданной, как оказалось, драмы.
В восторженном накале угорая,
Он от любви был в исступлении жутком.
Он розу чёрную ей посылал в бокале.
А страсть любви делил он с проституткой.
И Дама угасала без любви,
Мужчину ей хотелось в Блоке.
Возненавидела, что он творил,
И проклинала неземные строки.
И оттого ударилась в разгул
С актерами провинциального театра.
Пусть кто-то скажет: «Блок, мол, перегнул,
Высокий слог – его пустая трата».
Но через время и пространства необманные
Волнует в Блоке нас одна –
Та, что дыша духами и туманами,
Проходит и садится у окна.
Так Пушкин не познал земной любви
«В томленьях грусти безнадежной»
С той, для кого «Я Вас любил...»
Слагал он, умиряя пыл мятежный.
Но вот уж два столетия безмятежно
Мы повторяем, как молитву, вслед за ним:
«Я Вас любил так искренне, так нежно,
Как, дай Вам Бог, любимой быть другим».

Нэлли АМУНОВА

***=====

Я за тобой пойду, как за крестом.
Зовет нас свет магический, хрустальный.
Звон колокольный или звон кандальный
Нам сбудется, венцом или крестом?
Я за тобой пошла б, как за Христом,
Чтоб волосами утереть колени.
И вызволить тебя из царства теней,
Прорезав тьму прощающим перстом.
Чем выльется – венцом или крестом,
Лишь одного не вынесу – обмана.
И, как восход над желтым океаном,
Парит мечта в сиянье золотом.

Анатолий
ДАНИЛЕНКО

Раздумья при встрече старого Нового года

Мы встречаем старый Новый Год,
Словно к прошлой жизни возвращаясь,
Словно в ней живём, не расставаясь,
Не желая знать, что завтра ждёт.

Не спешите торопить года
И не бойтесь оставаться крайним.
Что сегодня кажется нам главным,
Завтра станет прошлым навсегда.

Как стремились мы достичь побед
В суетном пути к благополучью,
Вообразив себе, что путь наш лучший,
А, по сути, это стёртый след.

Как ни беден был наш отчий дом,
Но бесценен он, как наша юность,
К нам она сегодня вновь вернулась
Памятью, что мы не оборвём.

В прошлом наша первая любовь,
В прошлом наше первое свиданье.
В том и состоит очарованье –
Первое не повторится вновь.

«Завтра будет лучше, чем вчера»...
Это только песни обещанье.
Каждое «сегодня» – угасанье
Лишь того, чем жили мы «вчера».

Не введён на прошлое налог,
К прошлому не сыщется завистник,
К прошлому и скряга бескорыстен,
Прошлого никто не отберёт.

Распахните в прошлое окно!
В будущем у нас одни надежды.
Оттого нам хочется, как прежде,
Окунуться в прошлое своё.

И. Кобзону

Уж давно проводил и весну я, и лето.
Златокрылая осень задержалась одна.
И волнует меня этим поздним рассветом
То ли ранним закатом – не могу я понять.
Знать, когда-то и мне провожать свою Осень.
Холод лютой зимы не внаслышку знаком.
Не боюсь, что она мне виски запорошит.
Разве мало снегов покрывали мой дом!
И в раздумье стою на осеннем пороге
Под покровом задумчивых сизых дождей.
Но туман хризантем запоздалых я трону
И как будто застыну у зимних дверей.

Разноцветный мой луг, он уже кем-то скошен,
Но остался над ним запах поздних цветов.
И опять и опять провожаю я Осень,
И никак проводить я её не готов.

«Никогда, никогда ни о чем не жалейте», –
Пишет мудрый Дементьев и, наверное, прав.
Одного не учел, что в земной круговерти
Оставлять нам друзей – это больше, чем жаль.
И когда я вас всех неизбежно покину,
Помашите мне ввысь из туманных завес,
Как вы машете вслед журавлиному клину.
Мои песни в ответ прозвучат вам с небес.

Шуты *Ледяной Дом*

«Женившись, здравствуйте, Дурак и Дурка», –
Василь Кирилыч Тредьяковский им вещал.
Но если б Дурка не была б такою юркою,
Загробный, точно, ждал бы их причал!

Малышка-камчадалочка,
Под метр тридцать ростиком,
При Анне, что Гром-бабою.
Что ж, приходилось – хвостиком,
(С таким-то, кстати, ростиком),
За нею, прикусивши удила.

Как без Петра Великого,
Стремглав, немецкой кликою
Обузdana Российская Земля,
Так, шайкою изменщиков
Вчера «светлейший» Меншиков
Сегодня снова «Алексашкой» стал.

И Гангут вместе с Нарвою
Забыты этой лярвою.
И Ассамблеям ею дан конец,
Чтоб корабли не плавали,
Овеянные славою,
Построен этот ледяной дворец.
«Что ж, Дурка Буженинова,

Считай, что чаша минула
Шутихой быть. Ведь в честь тебя салют!
В мужья тебе же Квасника,
Того, что кличешь Васенькой,
Голицына я, князя, дать велю!»

Жених же, неприкаянный,
Стоял здесь, словно каменный,
А по щеке катилась слеза.
В Италию самим Петром
Он был направлен, а потом
Указом Анны возвращён назад.

А прегрешенья все его
И состояли-то всего,
Что зело преуспел он в языках.
В делах посольских сей галант
Явил завиднейший талант.
Теперь же оказался в дураках!

Ну, а с шутихи что возьмёшь?
Да разве на аркане вошь!
Какой уж тут у чукчи интеллект?
Но не в пример Гагарину (князю)
Так по-немецки шпарила,
Освоив трудный прусский диалект!

«Вы, господа, не жмитесь.
(По мне, хоть удавитесь!) –
Голицын из великих ведь князей!
И Карле Бужениновой
Отныне быть княгиней –
Солидный, значит, должен быть презент!

А ну, княгиня, просим-ка,
Вон, с тем большим подносиком,
Сначала с тех, кто Господа Сенат.
Гоните-ка нам золото!
(Не пухнете, чай с голоду,
Ты больше всех, Волынский, виноват!

Ай, молодец, Карлушенька,
Тряхни-ка их за душеньки!
Ты тоже раскошешься, Остерман.
Да не смотри, что канцлер он.
Небось, уж стырил миллион!
Обшарь-ка его внутренний карман!

Энтшульдиген зи, битте,
(Что значит, извините)
Вот это нам достался магарыч!
Как ловко ты (от Шлоссера!)
Брегет в подносик бросила.
Беднягу пусть не корчит, старый хрыч!

Что вырядился франтиком?
Гони-ка бриллиантики,
Гони-ка бриллиант, Куракин-князь!
Ведь нам не до романтики, –
Сказала Анна франтику. –
Мы слов таких не знали, отродясь».

А на ушко любимчику,
Бирону-проходимчику:
«Все станет завтра нашим! – Ну, а вслух:
Вы, херр Бирон, изменщика,
Что Алексашки Меншикова
Браслетик положите-ка на круг!»

И херр Бирон, с усмешкою,
Ни капельки не мешкая,
Браслетик этот бросил. Он, подлец,
Ведь знал: с такой вещицею
Не где-нибудь – под Ниццею
Возможно отхватить почти дворец.

«Ну что ж, покойной ноченьки,
Вы не шалите очень-то.
Уж больно на дворе мороз колюч.
Да, то-то будет жарко вам».
И шайка вся расшаркалась...
И были двери заперты на ключ.

На Петербургской улице
Как было не сутулиться:
Стоял под тридцать градусов мороз.
И только свечи жалкие
Светили уж огарками
В блестящие глаза от жутких слез.

«Не плачь, мой милый князюшка,
Все будет у нас ладушком,
Смеяться будем мы, а не они.
Скорее околеет он,
Пьянчуга этот, херр Бирон,
А нас согреют жаркие огни!

У этого, у Гансика,
Графинчик целый шнапсика
Я стырила, ему и невдомек!
За шнапсик сей ваятели
Под ледяной кроватию
Устроили нам тайный сундучок!

А у пройдохи купчика
За перстень два тулупчика
Я выменяла. В нашем сундучке
Лежат они, спасители
(Хотя бы не похитили!)
Вот, видишь, у меня они в руке.

Давай-ка мы для храбрости
По чарке этой гадости
За ноченьку, которой не простят!»
Ну, а потом, как водится,
Самой природой сводится:
Ведь было на двоих им пятьдесят!
Лишь по полудню со свитою
Явилась Анна сытая,
Поживу предвкушая, ну, а тут
Сидят шуты в тулупчиках
И за здоровье купчика
Пьют чарочку, сухарики жуют!

И, как бы мы ни спорили,
Случались истории:
В сентиментальный транс впадал злодей.
Так Анна прослезилась,
Как будто бы на милость им,
И молвила: «Конец затеи сей!»

Постигло разорение
Голицыных имение,
Но, все же, зеленел уже апрель.
И самую красивую
Для князя, для Василия
Была его раскосая газель!

А дальше... Как положено:
Та, что спасла пригожего,
Двух сыновей произвела на свет.
Но получилось вскорости,
Что в безутешной горести
Князь бобылем стал до кончины лет.
Но даже в зимы стужие
Под взорами досужими
В тулупчик (тот, из ледяного сундука)
Князь, облачившись, на погост
Шёл, будто бы на главный пост:
«Встречай, родная, Ваську – дурака!»

Пора закончить бы рассказ,
Но вот скажу что, без прикрас:
Малышка-камчадалка... Ведь она
Мне стала мамой и сестрой –
Ее назвал бы и женой,
А, может быть, и Родина – она.

И если бы меня спросили:
«Что я люблю в своей России?»
«Жен декабристов», – я б ответил неспроста.
И думаю, что не случайно
В России, так необычайно,
Чтут Божью Матерь чаще, чем Христа!

Когда, в минуту трудную,
Свою мы жизнь паскудную
(Нам не пристало этого скрывать!)
Клянем, притом, забыв себя,
Чужую душу теребя,
Не Бога вспоминаем – Бога мать!

Как дни бы ни были горьки,
Но, думаю, что мужики,
Как их ни гнула б злая власть,
С такою косолицею
У князя как, Голицына,
Сказать себе могли бы:
«А жизнь-то удалась!»

*«Эти семеро будут теми семью
причинами, из-за которых мы
не сможем ненавидеть русских».
Пражская газета,
август 1968 г.*

На Площадь Красную их вышло семеро,
Чтобы Москву за то сменить на Кемерово.
Ведь знали же конец тридцатых,
В которых сгинули отцы и братья.

Пятнадцать лет уже без Сталина,
Но строим мир по его правилам:
Где не приемлют революции,
Заставим чтить наши инструкции!

Была последнею в сорок пятом
У Рейха Гитлера отбита Прага.
Цветы бросали на наши танки
И не жалели бойцам сливянки.

Но через годы, в прохладном августе
Сказали чехи: «Не видим радости
В социализме по-большевистски,
Хотим другого, без всяких рисков.

И наши славные тридцатьчетверки
Безславно вздыбились на «Пражской Горке»
И на брусчатке трехвековой
Давили, Прага, твоих героев.

Горела Прага исчадьем ада,
А мы считали: «Оно нам надо?»
Ведь все бредовые фикс-идеи
Мы за молчанье свое имеем.

Лишь эти семеро у стен кремлевских
Сказали: «Русские не из таковских,
Кто так бездарно, так неустанно
Другим внедряет свои уставы».

Когда ж зря гибнуть мы устанем?
Не впрок урок нам Афганистана.
И что, по правде, из той мне чести,
Что нет, чем в Грозном, крупней мечети:

Ведь сколько ж тысяч в ней юных жизней
НЕВИННЫХ МАЛЬЧИКОВ МОЕЙ ОТЧИЗНЫ.
Особый повод для скорбной грусти:
В Чечню-то слали мальчишек русских.

В России разве одни славяне?
Чего ж в Чечню-то вы русских слали!

И в этот раз мы промолчали,
Быть может, что-то и промычали:

Не мой же сын в цинковый ящик
Был запечатан в кровавой каше.
За сорок лет позабылась Прага.
Но семерых тех я чту отвагу.

Не со взрывчаткой, себе веля –
Со словом вышли к стене Кремля.
В живых лишь трое из той семерки,
Но помнят всех их на Пражской Горке.

Их, политический вменяя выстрел,
Сослали так же, как декабристов.
Сейчас не слова боятся люди.
Не слов боятся, а словоблудий.

Что нужно нам для лучшей жизни?
Скажу без тени укоризны:
России нужно для покоя –
Чтоб власть держалась нашим словом.

*На горе и счастье я рос на войне
В стране, где всего не хватало...*

Е. Евтушенко.

Давно уж пора успокоиться мне,
Но детская память пытается.
«На горе и счастье я рос на войне
В стране, где всего не хватает».

Теперь побогаче пошли времена.
В России никто не голодный.
Но вот что по-прежнему мучит меня,
Изводит змеей подколодной.

Наелись давно апельсинов чужих,
На «сникерсы» нет больше спроса.
Забыть не могу ж я подсолнечный жмых
С добавкой отходов от проса.

В оставленном детстве я память не стёр,
Что хлеб-то – бывает и белым.
Мне чудом казался бездымный костёр,
Картошка в котором поспела.

Я так был уверен, что лучшей страны
На шаре земном не бывало.
И плакал над тем, что порвались штаны,
Мне сшитые из покрывала.

И библиотека мне сказкой была,
Когда я в нее записался.
Несметным богатством мне были слова,
Которых я в ней набирался.

И то, что пред вами читаю стихи,
Заложено тем, что был нищим.
Мне библиотекарь, чье имя Рахиль,
Тогда говорила: «Потише

Ты, мальчик, о том, что мною тебе
Дан Мережковский «навынос».
Запомни, на случай, в читальне-избе
Такого никак не водилось».

А вскоре не стало Матковской Рахиль –
Осталась со мною книжонка.
Поведал потом мне Гасанов Рахим –
Рахиль оказалась шпионкой.

И грешным я делом подумал в тот час –
Газеты не врут про шпионов.
Везде они, гады, засели средь нас.
Наверное, их миллионы.

А что с пяти лет сам зачислен в их круг,
Дошло до меня чуть попозже.
Я был в пятом классе. Случилось же вдруг:
Ко мне с поросычьей рожей

Училка склонилась и за ухо хватать:
«Ребята, такая изнанка,
Ведь есть у него, как у вас тоже, мать.
Но мать эта, знайте, гречанка!

А греки, они те же немцы для нас,
Они против власти Советской».
Однако, всё это не весь пятый класс
Воспринял с наивностью детской,

Что Толькина мать им быть может врагом.
За партой со мной, по-соседски
Сидела Стоянова Светка, врачом
Болгарин был, дед этой Светки.

А Жорка, калмык, через парту сидел.
Он тоже в том, сорок четвертом,
Был с матерью выслан. Я помню, что дед
Его нам показывал свёрток.

А в свёртке два ордена Красной Звезды.
Уж как он при шмоне их спрятал?
Но, знаю, не меньше хлебнул он беды,
Хоть выслан он был в сорок пятом.

Еще был бандеровец Колька Драгой.
Он с западной был Украины.
Была его мама с одною ногой.
Их тоже несло в той лавине.

Нас было, пожалуй, полкласса тогда,
Лишённых земли, где родились.
Но мне и сейчас не найти иногда
Ответа: так чем мы гордились?

Еще до сих пор не могу я понять,
За что же армян высылали?
Была в нашем классе Нади Гаспарян.
Я хоть о любви знал едва ли,

И даже не ведал, что значат очки,
На ней же, обутою в лапти,
Хрустальные чудились мне башмачки,
Что Золушке впору бы, кстати.

Чего же в меня та училка-хамьё
Вцепилась? Потом догадался:
Был ссыльных начальником хахаль её –
Он мамы моей домогался.

Я нынче уверен – страшны не вожди,
Не Берии жутки у власти.
Страшнее, что ведь не бывает нужды
У них в исполнителях страстных.

В тупых недоучках, дремучих, как пни,
С презрением к нормальной работе.
Сейчас ещё больше уверен – от них
Все беды в российском народе.

Способны они только лишь отобрать,
Творим что трудом безкорыстно.
Слетало с их ртов: в Бога душу и мать –
На большее надо же мыслить!

Лишали родимой земли нас когда –
Детей, стариков, больше женщин –
То каждый вагон охраняли два лба,
Причем, с автоматом – не меньше!

А ведь еще год до победы в войне,
И там – не у всех автоматы!
Выходит, «безмозглые» в большей цене,
Чем нашей Победы солдаты.

Я вот и сейчас всё никак не пойму:
Везде – в магазинах и в банках,
И в школе любой, даже в детском саду
Охрана, охрана, охрана...

Амбалы такие – бульдозер свернут!
Читаю – «КАМаз» без рабочих.
Они же в милицию, блин, так и прут.
Бардак там такой, между прочим...

А где не бардак? Мы такая страна...
Слыхали, небось, в эту осень
Лосося загублено было у нас
Ну, словно иглолук от сосен.

Подобный пример нам без счета знаком,
Во всём, как ни глянь, закавыки.
Представить Россию без дураков –
Как будто без клоунов в цирке.

Когда нам в России Октябрь заменил
И мать, и отца, прежде – Бога,
Не русский, заметим, буржуй зазвонил
Тревогу, тревогу, тревогу...

И быстро усёк суть ошибок чужих:
Да, надо делиться с наживы!
Пусть учится лучше дурак на своих,
А умный освоит чужие.

И дня не проходит в любимой стране,
Чтоб где-то кого-то не грохнуть.
Мы будто опять и опять на войне.
Сочтем скоро счастьем – оглохнуть.

Меж злом и добром напрочь стерта межа,
А совесть и честь позабыты.
И там, где Есенин с Высоцким лежат,
Сейчас положили бандита.

Осмелюсь сказать (все же жизнь под закат),
Всю жизнь меня вот что шатает,
Нехватка одна, что не знает преград –
Народом нам быть не хватает!

Раздумья об Украине

Раздор на Киевской Руси.
И Киевский престол – уж не столица.
Прости нас, Господи, прости.
На половчанке б мне жениться –

И прочь от этой суеты!
Я от Днепра уйду на Волгу,
Воздвигну Храм я на Нерли –
Как путь к мне ведомому Богу.

Да, здесь окраина Руси,
По-киевски, так Украина.
Тем, кто не дальше был Ворсклы,
Тем, кто продался жидовинам,

Тут мурома, бургасы, весь,
Отсюда угр на запад хлынул.
Руси же сердце будет здесь!
А там, где Киев – Украина.

Я здесь воздвигну свой престол,
На Клязьме возведу Владимир.
И осенью святым крестом
Сии леса непроходимы,

Непроходимы – для врагов,
А муромчанин стал, как русич.
Так быстро с нашим мужиком
Сроднился, словно сам был русским.

А батюшку, видать, не зря
Прозвали Юрком Долгоруким.
Он – киевский Великий князь.
А сел в Москве не ради скуки.

И с половецкою землей
Родился он не без причины –
(Ведь с половецкою княжной
Венчал его сам благочинный.)

Мы, русские, как волчья стая,
Грызём теперь самих себя.
Меня так половцем считают,
Небось, удельные князья.

А меж собой затеяв свару –
На помощь половцев зовут.
Забыв про Божескую кару,
Христа они ж и продают.

Так, видно, князь Андрей и думал.
По праву должно ведь ему

Претендовать на стольный Киев,
Что стал ненужным никому.

На три страны Русь разделилась:
Владимир, Новгород, Волынь.
И, словно Божеская милость,
Нам Храм явила на Нерли.

Село близ Храма Богу любо.
Так сам Андрей его нарек.
За что был прозван Боголюбским.
И Храм стоит девятый век.

И стала несравнимо больше
Окраина Руси былой.
Вернётся от Литвы и Польши
К ней Киев, породнясь с Москвой.

И будут жить три с лишним века
Единою большой страной.
Кто б думал, что три человека
Разделят злою их стеной...

И всё же, в том был путь наш русский:
В движеньи на Москву и Тверь.
Убит Андрей был Боголюбский
Боярством киевским. Теперь ,

Осознавая ход столетий,
Сказать мы можем: точно в срок
Оставив Киев, он наметил,
Что путь России – на Восток.

В утиль мы память не снесли
(Не в счет, кто из страны удрал).
Да мы и Родину спасли
Тем, что шагнули за Урал.

1999 г.

Крез

Был Крез богаче всех на свете.
Единственный пятикилограммовый самородок,
Известный миру, был в его казне.
А изумруды среди самоцветов
(Их было всё богаче год от года) –
Те не подвластны никакой цене.
Но для потомков всех народов и времён
Прославлен Крез был инициативой,
Благодаря которой мы живём,
Той, к счастью иль несчастью, перспективой,
Из-за которой, бьюсь я об заклад,
Идут войною друг на друга континенты.
При Крезе, двадцать шесть веков назад,
Явилась миру первая монета.
И явлен миру жуткий парадокс –
Был звон мечей заглушен звоном злата,
Но, словно как сейчас без правил бокс –
За ту монету не закончена расплата.
Он был правителем прекрасной Лидии –
Страны потомков хеттов и шумер.
И хорошо, что предки не увидели,
Какой явила унижительный пример
Жемчужина большой державы Хеттской,
Страна истоков двух великих рек.
Та, что бросала вызов грозному Египту,
Где, солнцеликий, уподоблен Богу, жил Рамзес.
И вот, покорена персидскою державой

Ты, Лидия, страна великих мастеров.
А что же Крез? Его богатство? Слава?
Что слава? Крез восходит на костер.
Костер разложен был под ночь,
Светила полная луна.
Любимая, единственная дочь
В толпе, среди персов, и она
Быть может, участи отца ждала, дыханье
затаила...
Никто не зрел её лица, укрытого парчою
от светила.
Мы лишь представить можем думы Креза,
Когда взошёл он на костёр.
Скупыми были его слёзы,
Невозмутим, как отмечали, взор.
Уже к костру был факел поднесён –
И в этот миг великий Кир
Был (покоритель Лидии) смятен
И проклял этот жуткий пир,
И ... ожидаемому шоу дал отбой.
Сошло как будто на него наитье.
И предложил он Крезу странный «бой» –
Пост всей казны персидской управителя.
С казною Лидии персидская казна,
Соединившись, стала грозной силой.
И в войны меж народами она
Теперь законы новые вносила.
В привычный для сраженья строй,
Как будто нынешним народам для примера,

Впервые персы двинут в бой
За счет казны легионеров.
А Крез, с потерей собственной казны,
Обрел неведомую для него свободу.
Он как бы заново возник –
Как будто сам себе в угоду.
Одну лишь ведомую страсть
Он видел в накоплении богатства.
Ведь, собственно, для этого и власть
Ему нужна. А не по сути царство!
Представьте только, он за годы царства
Одну лишь знал – той власти страсть.
И, словно, от болезней всех лекарство,
Одно он знал – казну как собирать.
И вот теперь так много шансов
У Креза стало – тратить, а не брать.
Он докой был в финансовых нюансах,
За что сам Кир сказал о нем: «Мой брат».
Но, главное, он осознал: богатство,
Когда оно чужое, не свое,
Какое облегченье не бояться,
Осознавать во благо бытие.
Он пожил года три или четыре.
Погибнет Кир от скифских стрел.
Подобных Крезу, прецедентов мало в мире.
Но Крез был первым, кто сумел.

Караимы

Был неприступен для врагов
Могучий каганат Хазарский.
Едва заслышав стук подков
Стремительной забавы царской,
Соседи разбегались по лесам,
Бросая все свои пожитки,
С мольбой взывая к небесам
Остановить набег сей прыткий.
А раздавался звон мечей
Хазарской закаленной стали,
Враг говорил себе: «Зачем
Мы с ними в этот бой вступали,
Пока не ведом нам секрет
Мечей хазарских злой закалки,
То не видать спокойных лет
Нам от соседей этих хватких».
Но вот к хазарам иудеи
С заморским «пряником» явились,
Товаром главным прохиндеев
Была невиданная хитрость.
И через три десятка лет
Был звон мечей заглушен звоном злата.
Нет ничего страшнее бед,
Когда за злато начинается расплата.
И табуны коней, и сталь,
Что дань взимала с Византии –
Всё оказалось неспроста

Отныне иудейской жадной силой.
Но были средние века,
А в них богатство измерялось битвой.
И на Руси теперь был Святослав –
Болгарии Дунайской покоритель.
Он, как всегда, сказал: «Иду на Вы»...
И результатом этого похода
(Для тех, кто золото полюбил!) –
Небытие великого народа.
И, так всегда, не сомневаться дабы,
Средневековья завершили течь
По сути полунищие арабы,
Айя-Софию превратившие в мечеть.
А что же до хазарских иудеев?
Не так, однако, прост здесь вывод!
На то они и иудеи...
Для них всегда, во всём есть выход:
Они переметнулись в Христианство,
Своё, ни православным, ни католикам в пример.
Оно отлично тем непостоянством,
Что позволяет измененье вер.
Теперь они назвались – караимы
И разбежались со своим богатством
От стен Литвы до побережья Крыма,
Пренебрегая дружеством и братством.
На Русь неисчислимою ордой
Кипчаки, то бишь половцы, напали.
А Юг Руси Мстислав, что «Удалой»,
Стерёг. Он караимам рёк вначале:

«Давайте вместе Землю защищать,
Уж больно половец сей крут!»
«Нет, вера нам не позволяет воевать,
Хотя мы и не чтим Талмуд,
Что важен правоверным иудеям,
Но и «Завет» ваш «Новый» не хотим...
Не осуждаю караимов я:
Они рабы «особенных» законов.
На этот счёт известная статья –
Идет она, считай, от фараонов.
Написаны тома на этот счет.
Чего уж мне являть свои изыски!
Пустое дело нам вести учёт
Различных тем антисемитских.
Пусть я не телом, а душой
Горжусь, что русский, как никак,
Но самый Русский, самый свой
Мне Левитан. Не Юрий – Исаак!
И если бы меня спросили,
Кто в давнем прошлом, и вперед
Стал главной памятью России,
Я бы сказал: «Великий Петр!»
По матери ведь он из караимов:
Нарышкины не разменялись на базары
И верностью Руси невозвратно
Служили, лишь рассеялись хазары.
Пусть даже это исключенье,
Зато какое! На века!
Оно вселяло вдохновенье

И в барина, и в мужика.
Так, из Флоренции нотариус
На все прошедшие века
Явил, уже почти под старость,
Сверхгениального сынка.
И, может быть, мы только нынче
Осознаем, какой народ
Единственного гения – Да Винчи –
Планете нашей дал в тот год.
Но, если не кривить душою,
Во мне такая мысль живет,
К такому выводу пришел я –
Особой хитрости народ.
Мне эта хитрость не по нраву –
Мне безкорыстный важен грош.
Но вот Эйнштейн-то с Левитаном –
Ведь безкорыстней не найдёшь!
И за такие исключенья
Как будто Бог мне говорит:
«Какие могут быть сомненья?
Нет, всё ж ты не антисемит».

Мой папа

Мой папа успеваает всюду.
Как много знает он работ!
И ничего не позабудет,
Лишь к телефону подойдет.
Какой же у меня он мудрый!
Смог со зверями говорить:
«Ты мне, козёл, мозги не пудри,
Капусту успевай рубить!»

А про себя отметил папа,
Что у козла по фазе сдвиг
И бегемоту дать «на лапу»
Придется, раз козёл тот сник .
Начальником на огороде,
Наверно, трудится мой папа.
А с бегемотом дружбу водит,
Чтоб не накрылася зарплата.

«Они меня уже достали, –
Сказал он своему дружку.
Они – какие-то шакалы,
И каждый просит по куску.
Они всей бандой прискакали.
Им «зелень» чтоб на всю братву!»
Где это видно, чтоб шакалы
Вдруг ели свежую траву?

Вчера он позвонил Марине,
Спросил, где генерал Бутусов.
Застукал где-то их «малину»
Какой-то самый жадный «мусор».
Устроил им разгромный шмон,
И просит целый он «лимон».

Лимон, малина... Значит, папа
Работает, видать, в саду.
Но, не пойму, как «тихой сапой»
Тот самый мусор съел Балду?
И загремел Балда на нары.
А генерал Бутусов, если
Не захочет быть с Балдой на пару,
То пусть подумает и взвесит,
Как выдернуть с тех нар Балду.
А мусору закроет пасть,
Чтоб сам не загремел в тайгу,
И чтобы с кресла не упасть.

А вот вчера сказал мой папа:
«Чтоб было все у нас путём,
Нам нужен мент с мохнатой лапой –
Тогда нигде не пропадём!»

Возможно ль полюбить придурка?

*О, нет приятнее задачи.
Пускай дурак, но все ж не урка –
Носить не надо передачи.*

Е. Трусова.

Хочу в любовники придурка!
Всё ж не законченный дурак.
Он, может быть, слегка затуркан,
Но с ним вполне возможен брак.
Ведь камчадалке косолицей
Достался без особых сил
Не кто-нибудь, а князь Голицын.
А он под дурака «косил».

А, может, с идиотом лучше
Иметь любовную мне связь?
Ведь идиоты, вроде, круче.
К примеру, Мышкин – тоже князь!
Но вот любовь у идиотов
Все на потом да на потом...
Им в «жёлтый дом» готова квота –
Они же рвутся в «Белый дом».

А вот, допустим, паралитик.
Ведь как его ты ни тревожь,
А прыти нету, нету прыти,

Но можешь делать с ним, что хошь .
А если он под сотню весом,
Так что же, грузчика искать?
А вдруг тот грузчик интересней?
Задача, растуды их мать!

Блаженный – вот моё спасенье.
Коль дурачок он, то чуть-чуть.
О, как же сможет вдохновенно
Он растревожить мою грудь!
Не зря же нескольких блаженных
В святые церковь возвела.
Несомненно –
Одни заумные слова.

Тогда, пожалуй, лучше урку
Взять для любовных мне утех.
Взгрустну – он сбациает мне «Мурку».
Вот, докатилась, смех и грех.
Нет, урка всё же мне не пара.
Ты ему ласку отдавай,
Сулишь тахту – а он на нары.
Да и, вообще, он шалопай.

Тогда я лучше троглодита
Возьму в любовники себе.
Из шкур звериных ложе сшито,

И сосны, сосны до небес.
Но он же жрёт сырое мясо,
Случись, не выпала охота...
Да запросто сочтет за счастье,
Что рядом есть живое что-то!

Да что ж со мною происходит?
Да это Я или не Я?
Ну где единственный мой ходит?
Ах, недоумок! Ах, свинья!
Ну, погоди! Что-что, а в это
(Давно уж знаю) вникла я:
Любовник только лишь поэтом
Быть может, и наверняка!

Да здесь же клуб литературный!
А в нём поэтов – не сказать.
И нету проще процедуры –
Поэта здесь захомутать!
Ну, что вы на меня глядите?
Учтите, больше я не жду!
Поэты, дух переведите!
И соберитесь! Я иду!

Персики...

*«Помнишь, миловались посредине лета?
В розовой сорочке ты была одета...
А на блюде персики, и один надкушен...»*
Б. Трубников

В розовой сорочке предо мной сидела.
А на блюде – персики. Ты на них глядела.
Надолго те персики мне запали в душу –
Только отвернулся я – как один надкушен.
Середина лета, что зубами клацать?
А ведь на базаре персики сто двадцать.
Нет бы подождала месяц с небольшим –
За полсотни отдал бы их узбек Рашид.
Говорю про Нинку с нашего двора:
«Знаешь, подавилась персиком вчера. –
Намекаю скромно, – Натощак невкусно».
Снова отвернулся – а на блюде пусто.
А из-под сорочки груди – как огни.
Ты мне намекаешь – персики они.
Только почему-то, неотвязным грузом,
Словно пред глазами – средних два арбуза.
В розовой сорочке ты была когда-то,
А теперь все чаще – в стеганом халате.
И куда смотрел я, старый идиот..
Там, где были груди, там теперь живот.
Одного не скрою, как же хорошо!
Слава Богу, зубы стерлись в порошок.
Ну, хотя бы в этом повезло с тобой –
И теперь на блюде – персики горой!

Россия для русских?

«Россия для русских!» – толпою бесились
Мальчишки с подачи тех дядей крутых.
Бейсбольная бита сегодня в России –
Тупое оружие в ручищах тупых –

У тех, кто и мыслить, по сути, не в силе.
(Есть тайный на это злодей-кукловод)...
А, впрочем, и раньше давала, Россия,
Ты повод на это сподвигнуть народ.

«Бей тварей нерусских!», – лежит бездыханно
Таджик – бедолага российской земли.
В его стороне жизнь трудна не случайно.
Хотели свободы – сполна обрели.

Но вспомни, Россия, со скорбною грустью:
Во славу твою и народа лежат
Сколько ж сынов твоих, вовсе нерусских.
В русской земле пролегла их межа.

Шотландец Барклай для меня, как икона:
«Что пашни и стены, пусть даже Кремля!
Оставим баталию с меньшим уроном.
Отстроена заново будет земля.

Оставив Москву, не истратим мы силы.
Ведь, главное, армию нашу спасем.

А войско спасем, то спасем и Россию.
Я в этом уверен, стою я на сём.»

Я славлю тебя, дорогой мой шотландец!
В России ты русский на все времена.
Как знать, коль не сей иностранец,
Возможно, что не было б нынче меня.

А наша Победа в году сорок пятом
Во мне лишь наплывами скорбной волны.
Ведь так и не знаю, родимый мой папка,
Где сгинул ты в первую осень войны.

И я преклоняюсь пред Багратионом:
Сам – в рост, а солдатам команда: «Ложись!»
Сказал незадолго до тяжкого стона:
«Не мне, а России теперь моя жизнь».

Князь Петр Иваныч тебя величали,
Хоть был ты грузином, да царских кровей.
По Грузии я в безутешной печали,
Когда там теряют таких сыновей.

А кто самый русский художник? Откроем
Такой мы вопрос – я скажу – Левитан.
Вглядитесь в картину «Над вечным покоем».
Найдете души хоть малейший изъян?

Мне этот еврей – самый русский из русских.
Чем он, бескорыстней не знаю людей.
Хоть к нации сей есть особые чувства:
Считают, что нету народа хитрей.

Но разве забыты те «черные сотни»,
На Русь голосившие: «Бейте жидов!»
Они и сейчас далеко не замолкли.
У нас среди своих всегда больше врагов.

Ах, как же, красавец азербайджанец?
Народную нашу «по Питерской вдоль»
Ты выдал в Париже – по самую крышу!
На «бис» вызывал тебя даже Де Голль.

И песни той русской парижскую запись
Храню, между прочим, я до сих пор.
Храню и к певцу тому светлую зависть.
Чужой Магомаев – России позор.

Я знаю без счета таких иноземцев.
Да что там... сам Пушкин почти эфиоп.
А если по бабке, то даже из немцев.
По мне ж он – России единственный Бог.

Однако ж, «Россия для русских» во мне
Понятем двойным просквозило.

Давно, и не только в моей стороне
Так много подобных призывов.

И в этом не стоит себя нам винить...
Раздвинем-ка памяти узел.
Давно произнес ведь капрал Шовиньи,
Что Франция – лишь для французов!

Я выше про Грузию заговорил
Каким-то восторженным тоном.
Но есть основания о ней говорить
Скорей не с восторгом, а стоном.

Когда все мы жили в единой стране,
Прикинь, полтора миллиона.
С грузинами дружно на ихней земле
Мы, русские, были как дома.

Сейчас от пяти миллионов – процент
И тот, видно, скоро растает...
Я здесь неслучайно расставлю акцент:
Треть Грузии где проживает?

Прощенья хочу попросить у грузин,
Что первых привел для примера.
Таджики, что толпами прут героин,
В России страшнее холеры.

Вот рынку, допустим, что дело до наций?
Торгуй тем, что добыл крестьянским трудом.
Но за прилавком, однако, кавказцы.
И рынок для них, будто собственный дом.

Российский мужик, что трудился все лето,
Картошку свою за десятку б отдал.
Однако ж, встают на пути «карапеты» –
«Я места тебе за прилавком не дам!»

Я к чукчам проникся большим уваженьем
За верность к своей, хоть суровой, земле.
Чем их, безобиднее нет населенья.
Трудом своим жить будто Бог им велел.

Таких, безусловно, отнес бы я к русским.
Припомнив, что в годы Великой войны
Они своим глазом, раскосым и узким,
Средь снайперов «лучшим народом» слыли.

Мне скажут: «А русских-то сколь на примете,
Которые хуже китайцев любых!»
Но эти – действительно, сукины дети!
Они все же наши. Куда нам без них?

И, видно, такая судьба у России,
Что некогда счет со своими вести..
И думаю я, что когда б не чужие,
То, может, своих легче было б спасти.

С рождения мой первородный грех
Заложен государственным устоем.
И был тот грех в том, что я грек,
Хотя по русским меркам скроен.

Уж двадцать дней состав вагонный тот
Полз, пробираясь через пол-России.
Вчера везли в вагонах этих скот,
Ну, а сейчас в нем греков вывозили.

Куда б забросить с Крымских берегов
Всех их, чтоб «кузькину мать» знали?
И высылали нас – детей и стариков,
И женщин – чтобы больше не рожали.

Вот, наконец, и Северный Урал.
И недостроенный барак стоит понуро.
Зато, чтобы никто не убежал,
Готова в срок комендатура.

Морозы в октябре уже за двадцать.
А не готов барак – так стройте шалаши.
И нечего стоять, зубами клацать.
А лучше, «для сугрева», попляши!

Картошки короб выставлен на сходни.
А мерзлая – растает на костре!

Мне было пять. Но помню как сегодня
Я ту картошку, превращенную в кисель.

Барак тот помню, где б я ни жил.
Тот, с недостроенною крышей.
В жару метался. Но я выжил.
На то и грек я, чтобы выжить.

Лишь в девять лет услышал я о школе.
И через лес – к ней, в валенках худых
Я пробирался. Потому что СЛОВО
Любил, как этот конопляный жмых,

Что для меня был хлебом и пирожным.
Едой единственной, уж если поточней.
И бережен, как только можно,
Я с хлебом вплоть до этих дней.

И в том же, том, Коми-Пермяцком крае,
Узнал, что в сорок первом, в сентябре
Погиб отец мой, Родину спасая.
За что ж побитый оспою абрек

Обрек моих сестренок на погибель?
За что кнутом в заснеженный ручей
Гнал мою маму светлосерый китель,
Тот, с маршальской звездой на плече?

И всё же я не точен, утверждая,
Что Сталин виноват во всем, злодей.
Ведь в том далеком, необъятном крае
Считали население, не людей.

Быть может, ложь во благо и спасенье?
Не думаю, что всяк меня поймет:
Что было, и сейчас есть, население.
А Родина не население, а НАРОД!

И больно мне, и стыдно, что боялся –
Боялся в том признаться, что я грек.
И надо мной весь первый класс смеялся –
Ему училка рассекретила мой грех.

Был муж ее нам, вроде бы, подельник.
Он в спецкомендатуре отмечал:
Являлись все ли каждый понедельник?
«На лесосплав шагай, коль опоздал!»

И помню: моя мама – по колено...
У самой-самой-самой кромки льда...
Такое даже немцев пленных
Не заставляли в холода.

А было маме двадцать восемь.
Такой красивой... Не сыскать!
Багром отгалкивала сосны
К стремнине речки Благодать.

А рядом, при тулупах и ушанках,
Стояли конвоиры. Им назло
Во льду ты, мама, пела про гречанку,
Что Пушкина свела с ума без слов.

Знать, потому я не забыл о славе
Тех предков, о которых пел Гомер,
Я не забыл, что в бухте Балаклавы
Тавриду основали, мне в пример.

А Танаис, Пантикапей, Колхида,
Позднее Херсонес, откуда Русь
Крещенье приняла. Был сброшен идол
С Днепровских круч. Но все же не берусь

Я без сомненья говорить о дружбе
Людей и совести, особенно когда
Я наблюдаю при церковной службе:
Стоят «товарищи» – теперь уж «господа».

Как будто истины заветной мантии,
Стоят в почете, не склонив лица.
«Осуществляют революцию романтики –
Плоды же достаются подлецам».

Как прозорлив он – Михаил Бакунин...
Сие определенье я познал,
Увидев как в мире сём подлунном
Сбываются всегда его слова.

«Кто был ничем, тот станет всем», – мы пели.
Вот лицемерья пьедестал.
И, если бы я раньше в церковь верил,
Сейчас уж точно б атеистом стал!

А, впрочем, не совсем я честен.
Ведь Бог и церковь – разный смысл.
В своей душе мне Бог известен.
Так, значит, не совсем я атеист.

Кто был ничем, всем никогда не станет.
Вот только понимать ему зачем?
Поверьте, нет страшнее испытаний
Попасть под тех, кто был ничем.

Поэтому и горд я неизбежно:
Две с половиной тыщи лет
Хранит народ мой непрерывно
Немеркнувший свободы свет!

И укреплен я в сокровенной тайне.
Она способна душу греть.
Сподвигнут был великий Байрон,
За Грецию готовый умереть!

А путь отважных македонцев,
Прошедших через горы и пустыни.
Что!? Разве угасало солнце,
Иль в жилах кровь от страха стыла!?

Нет, греки не разбой, не кровь под крыши
Несли, как хан Батый, что земли разорил.
Ведь даже буквы, что мы пишем,
Нам греки принесли: Мефодий и Кирилл.

России греки никогда не ввали.
Случалось, лезли мы за правду на рожон.
Подобно тем, кто уезжал в Израиль,
Грек не бросал земли, где был рожден.

Какой моя судьба ни стала б грустной,
Но в своих бедах я Россию не корю.
И, хоть я грек, но все же грек я русский!
Об этом прямо говорю.

И Вы меня за это не корите.
Сейчас не время для анкет.
Вы на лицо мое взгляните –
Зачем тут паспорт и билет?

Обиды на Россию не имею,
Хоть память не уходит в тень.
По-гречески скажу Вам: «Кали Мера!»,
По-русски это значит: «Добрый день!»

*«Когда – мне сказал один узбек,
Что люди женские – хороший человек».*

Е. Евтушенко

Когда-то мне сказал один узбек
(Видать, имел на то свои причины),
Что «люди женские – хороший человек».
И, в разумыни настоящего мужчины,
Я с тем узбеком соглашаюсь до конца:
Все в мире началось от женщин.
И для меня авторитет Творца
На этот счет не безупречен.
Недавно прочитал я в «Аргументах...»
Людей ждет время страшных перемен.
Японцы – мастера экспериментов –
Открыли в женском организме новый ген,
Благодаря которому на свет
Рождаться могут дети. Как ни странно,
При этом есть мужчина, или нет –
Японкам это все по барабану.
К тому ж, еще я упустил
(Здесь вовсе ставлю точку) –
При этом гене хватит сил
У женщин лишь на дочку.
Вы представляете, что ждет
Мир при таком раскладе?
Вновь захотят с Адама счет

Начать – а нет рассады.
Но я уверен – не бывать
Такому в мире оном,
Ведь женщина – она же мать!
А если речь о женах...
То тут я вовсе приведу
Такую быль. Когда-то
Враг крепость осадил одну,
Не стало в ней солдата.
И осаждавшие, цenia
Отвагу осажденных,
Сказали, приступ отменя,
Всем матерям и женам:
«Покиньте с миром бастион.
Вам зла не причиним мы.
Но с ношей только лишь одной
Мы разрешаем выйти».
Кого б, вы думали, несли
Из крепости те женщины?
Они израненных мужчин
Несли, взвалив на плечи.
В далекой Галлии спасли!
(Сейчас зовется Францией).
В то время не было Руси,
Но при подобной акции,
Что было б ни обещано,
Вперед всего б мужчин спасли
Родные наши женщины.

Паша Ангелина

Ангелина Паша, Прасковья Никитична!
В шестнадцать был трактор тобой покорен.
В том, двадцать девятом, так начали истоиво
Громить кулака, чтобы был истреблён.

Село Старобешево, земли Донбасса,
А в нем, что ни грек, то, конечно, кулак.
И только убогому, может, «неясно»,
Что ждет этих греков бескрайний ГУЛАГ.

Но жены Эллады на то и гречанки –
Одной Клеопатрой из всех высших сфер
Прославили женщин, а что до крестьянки,
То первой на трактор – гречанка в пример.

По сути – девчонка, мудра ж, как София.
Ей словно сказать высший разум велел:
«Отдайте в колхоз, что годами копили,
Зато сохранимся на нашей земле».
Судьба посылала ей двадцатилетья:
Возглавила в двадцать бригаду она,
Подряд двадцать лет – в Верховном Совете,
И столько ж была она членом ЦКа.

На «ТЫ» с Михаилом Калининым, кстати,
(Всё ж старостой был он тех страшных годин).

А с тем, кто, по сути, возглавил все власти,
Трижды встречалась один на один.

Притом, никогда ничего не просила,
Хоть ей предлагали начальственный чин.
И часто домой отправляла посылки,
В которых всегда ничего, кроме книг.

А книгу свою пробивать постеснялась
С названием: «Люди колхозных полей».
И, кофе сгоняя ночную усталость,
Не ведала стилия казенных статей.

Быть дважды героем, лауреатом –
Снести может «крышу», коль славой объят.
Но как же геройства хватило – солдатом
Остаться, когда генерала сулят.

Поставлен заслуженно ей, без сомненья,
(Хоть был предусмотрен по статусу) бюст.
Другие в России сейчас поколенья.
Не лицам другим излияния чувств.

Но всё же разбудит когда-нибудь память.
От Бога быть может такой коммунист!
Без ложного пафоса, верю, прославят,
Что тоже от Бога – такой тракторист.

Свадьба внучки

Выходит замуж моя внучка,
Став взрослой словно в один день.
И кров родительский не скучен,
И не весны шальная звень

Её зовет – февраль ведь нынче,
Но есть неписанный закон,
Определен он кем-то свыше,
Как дань желаемых оков.

Теперь, небось, с другой фамилией
Пойдёт по жизненной тропе,
Где переплёт особых линий,
Проблем, решений и затей.

Где, может быть, не будет рядом
Ни папы с мамой, ни дедов,
Ни бабушки, что в детский садик
Её водила за собой.

Мы из роддома забирали
Семьёю всей её в наш дом,
В нём колыбель её качали...
Но в дом тот больше не войдём.

Теперь вокруг края лесные.
Хоть больше лес люблю я сам.
Да что я сам, когда Россия
Жива благодаря лесам!

Но есть одно у всех богатство
В былые времена и вновь.
Оно хранит лишь постоянство.
Богатство то – родная кровь.

Хоть жизни путь уж на закате,
Уйдёт закат за окоём...
Тебе скажу оттуда, кстати,
Что всё равно ещё живём.

Будь счастлива и будь любима!
Не бойся отдавать любовь.
Любая жизнь неповторима.
Родная ж повторится вновь.

И ничего не будет странным
Моим оборванным летам.
И скажет правнучка иль правнук:
«Привет, дедуля, как ты там»?

Я был среди товарищей – теперь среди господ.
Стоит на мертвом якоре мой «Белый Пароход»,
И я на перепутье безжизненных дорог:
Меж будущей и прошлой – сегодняшнюю сжёг.

Разбитый полустанок и жёлтый светофор
Сулят лишь ожиданье – с рожденья до сих пор.
Теперь и ожиданья желанья нет иметь...
Сказал Сергей Есенин: «К чему ломать камедь?»

Есть желание – быть прочитанным.
Есть желание – быть услышанным.
А уверен ли, будут читать?
А уверен ли, будут внимать?

Потому к графоманству не склонен,
И почти каждый стих мой схоронен.
Но, однако, пишу для себя,
С болью душу свою теребя.

И на этой стезе незавидной
Пред собою мне только лишь стыдно.
А на память приходят поэты,
Чьи стихи далеко не пропеты.

А стихи его в сумке холщовой
Вместе с ним умирали в трущобах.
Был поэт – друг Есенина – Кусиков.
Незадачлив в теории суффиксов,

С неразлучной гитарой своей,
Говорил очень часто: «Налей».
Но, однако ж, запомнились строки:
Скоро будет, пожалуй, им век:

«...А вокруг расстелился широко
Белым саваном искристый снег».

Не печатали даже Цветаеву,
Чьи стихи лишь недавно оттаяли.

Жизнь сложилась до боли невесело:
На гвозде злополучном повесилась.
Я люблю Вас, Марина Ивановна,
Не за Вашу строку неприкаянную,

А за то, что стихи вы писали –
Будто в бой, безоружной, вступали.
Были, есть, и, конечно же, будут
Те поэты, каких не забудут.

Больше ж будет, что вовсе не ново,
Тех, о ком не напишут ни слова.
Все равно они будут писать,
Может быть, и великим подстать.

Их, при этом, никто не прочтет,
В чем дают себе трезвый отчет.
Я люблю этих странных ребят.
Вы не бойтесь писать для себя.

Мы все уйдем, кто поздно, а кто рано
В последний неизбежный свой закат,
Откуда даже куцей телеграммой
Ни слова, ни полслова не послать.

Но, догорая в этом промежутке
Боренья за сознание своё,
Отдайте предпочтенье шутке –
С ней легче уходить в небытие.

Нэлли
АМУНОВА

*Посвящается
любимым детям и внукам –
Ольге, Анастасии, Алексею,
Ирине, Валерию*

Как научиться всепрощению,
Когда обида тяжела,
Когда душа стремится к мщенью
И впереди – сплошная мгла?

Смирить так трудно, я не скрою,
Горящую, как сера, плоть.
Но Сила Высшая со мною –
Поможет гнев перебороть.

Смири себя, взывая к Небу!
Молись, проси, терпи, держись.
Подумай, «Не единым хлебом»
Сильна, прекрасна наша жизнь.

И смоеся, как грязь под душем,
Уйдет обида из тебя.
И благодать наполнит душу,
Прощая всех и всех любя.

Поэты над временем дышат
И звуки небесные слышат.
Как свежие раны – солью,
Души сжигают болью,
Сочувствием, состраданием.
В ответ же – непониманье,
Сплетни да клевета.
Где же ты, та красота
В людях, что мир спасает?
Мышиная суета
В буднях умы заполняет.
Ведь даже Христа распятого
Втайне подальше спрятали,
А Он ведь всегда с тобой –
Добрый, надежный, живой!
Радостью сменится боль –
Это Христос – с тобой!
Сердце питает поэта
Вечная истина эта.

Друзьям-поэтам

Жить достойно, не лгать, не лукавить,
Бескорыстно и свято любить,
Сохранить и потомкам оставить
Чистой совести светлую нить.
Назначение наше не ново.
Оставаясь собой до конца,
Мы, как свечечки, в мире суровом
Осветляем людские сердца.
Устремляемся в Высшие Сферы,
Где со светом сливается Дух.
Начинается новая эра
В наших мыслях и просится – вслух.
Колокольным сияющим звоном
Или грозным набатом гремит.
Полыхает Земля небосклоном –
Это сердце Поэта горит.

Серое...

Серое небо и серый асфальт,
Серенький воздух и серые мысли,
Серые крылья намокли, обвисли,
Нудно пиликает серенький альт.
В сером тумане сереют дома,
Серою мышкой я стала сама.
Серые тени и серенький день,
На сердце серая-серая тень.
Серенький разум не может творить,
Серое сердце не хочет любить.
Серая совесть... Да как же так жить?
Серость не вечна, прогнать и забыть!
Небо устало и дождик устал...
Лучик пробился в бездонный провал.

Где вопли, проклятья, где пена у рта,
Невежество и исступленье –
Там нету добра, там не встретишь Христа –
Дорога ведет к преступленью.

И там же, где гладкая-сладкая ложь,
Где льстиво-коварное пенье –
Среди фарисейства добра не найдешь.
«Там тоже висит преступленье».

Не сомневаясь, без предубежденья
Навстречу сердце ей свое открой!
Вглядись, послушай звуки и знаменья –
Так говорит Вселенная с тобой.

Увы, не ценим каждое мгновенье
И попусту растрачиваем жизнь.
Как часто нас томящие сомненья
Нам замещают ложь и фанатизм.

Отречься б от неверных, ложных мнений!
Не каждый сможет... Смой живой водой
Всю накипь и грехов, и исступлений –
Заговорит Вселенная с тобой.

Ох, как эта извращенная «свобода»
Выпустила хамство из «народа».
И летит смердящая «попса»,
Гарью закрывая небеса,
И вызывает к низменным порокам.
Убивают журналистов и пророков,
Словно из библейской древней дали
Люди их камнями закидали.

Не слышу голосов, дающих строчки,
В них вкладывая скрытый тайный смысл.
Но ввысь тянусь, до самой дальней точки,
В пространство выпуская мысль.
Та точка – малый остров в океане,
Мысль, словно луч прожектора, плывет
Среди тумана словосочетаний
Стрелой, вслепую пущенной в полет.
Стремиться и искать, и думать, думать,
Перебирать банальностей поток.
И вдруг, среди этих неподвижных мумий –
Живое СЛОВО – аленький цветок!

Ты перестала двигаться вперёд
Под грузом неудач и раздраженья.
Действительность – плохое утешенье,
Всё получается «наоборот».
Но почему? Достигла рубежа?
Душа устала, тело в униженьи?
Иль рана давняя ещё свежа
И точит душу злой обиды ржа?
Или себе не вымолить прощенья?
Иль впереди я чую пустоту,
Развевя пеплом светлую мечту?
Иль накипь всех страстей и увлечений
Уводит в сторону от тех дорог,
Где обитают Вечный Свет и Бог?
Так надо поднатужиться, суметь
Задуматься, чтоб жизнь пересмотреть...
Трудом духовным страсти усмирить
И научиться всех прощать. Любить.
Направить всю энергию движенья
Через пороги – к свету искупленья.

Жалоба старого человека

Средь людей одному – тяжело.
Безысходностью сердце свело.
Как иссохшее дерево – путь.
Полюбите меня кто-нибудь!
Ночью снится ласкающий взгляд,
Словно полю – весенний наряд...
По утрам я очнуться боюсь –
Ведь со мной просыпается грусть.
Никому я не нужен такой
Со своей ледящей тоской.
Я немного прошу: лишь понять,
Просто выслушать или обнять...
Равнодушие хочет толкнуть
В серый омут забвенья – тонуть!
Есть и хлеб, и варенье, и соль.
Страшный голод – душевная боль.
От нее никуда не свернуть...
Полюбите меня кто-нибудь.
Я молю вас, смиряясь и жалуясь,
Скоро мне в неизведанный путь.
Люди, миленькие, пожалуйте,
Полюбите меня кто-нибудь!

Как было одиночество желанно
Среди кипящих мыслей, дружб, страстей.
Проходит всё. Теряется неожиданно.
Что в жизни одиночества страшней?

Не разбираясь в мелочах,
Я корень рассмотреть умею.
Душа становится мудрее,
Но тень усталости в очах.

Бесмысленно, всуе, страдая,
Жалея, ревнуя, любя,
Мы сами себя оскверняем
И сами возносим себя.

Как прожито, так пережито.
Но как, претерпевши, спастись?
Собрать бы бесценное жито
И к Богу душой вознестись.

Степью. Лесом. Путник одинокий,
Медленно иду, стихи слагая.
Как люблю я этот мир широкий!
К людям тянется душа нагая.

В здравие тебе поставлю свечку,
Помолюсь – и снова в путь-дорогу.
На поля ложится тихий вечер.
Истинно, «пустыня внемлет Богу».

Теплым молоком, душистым хлебом
Все-таки судьба не обделила.
Через мрак ведет тропинка к небу,
Там надежда и любовь, и сила.

Я прошу у Бога исцеленья
Всех душевных язв, страстей, обид.
Радость всемогущего прощенья
Лучиком невидимым летит.

Я его всем сердцем ощущаю,
В благости боюсь пошелохнуться.
Словно в прелесть тающего мая
Довелось душою окунуться.

Я, как травинка у обочины,
Ловлю осенние лучи.
А вы – пинаете да топчете:
Ни вырасти, ни расцвести.

Упало семечко нечаянно
На тротуар, не в огород.
И пробивается отчаянно –
А вдруг сумеет, расцветёт.

Я не эстет, пишу почти что прозой,
Но искренне пишу, боясь солгать.
Хотя, порою, «грозы» и «берёзы»
Уж вовсе не стесняюсь рифмовать.
Стремлюсь в красивых словосочетаньях
Вам показать своей души сиянье.
О прелестях «Серебряного века»
Напомнить «нынешнему» человеку.
Чтоб душу в нашей жизни непростой
Не алчностью наполнить – красотой!

Ликуют бездари. Таланты исчезают,
Но даже в смерти светит их звезда.
Кто лжет, что разум серость побеждает?
Не победит бездарность – никогда!

Смирись и ничего не говори!
Не вздрогнут, не помогут, не оценят.
Пропитанную ложью цепь мгновений
Отвергни и молитву сотвори.

В смиренье – сила тайная живет.
Она-то не предаст, не подведет!
И станет светлой радостью беда,
В ней тот, кто не обманет никогда.

Баба-Яга

Ничего ей в жизни не осталось,
Только недоверие и злость.
Злость на одиночество, на старость,
На людей, на боль да на «авось».
Светит через злость в глазах – печаль.
Правда, что ее мне очень жаль,
Только я не знаю, чем помочь.
Темный лес, луна, избушка... Ночь.

Как змеиную кожу, грехи
С болью скинешь. Вернешься на землю.
И очистится совесть, не внемля
Злому пенью подземных стихий.
И начнешь снова с чистой строки,
Как букварь, изучая законы
Через горе потери и стоны –
Как в нирвану – в любовь и стихи.
Будешь сеять, надеяться, ждать,
Воплощаться в цветы, переливы
Мыслей честных, веселых, счастливых.
Отдавать, дожидаться – и жать.
Обходя маету, суету,
Уважая смиренность и честность,
Ждать и жать – и опять в пустоту,
Чтоб мечту унести в неизвестность.
Где-то истина светит вдали...
Рядом – бурный поток, неизбежность.
Пустота, темнота или нежность
Этой древней любимой Земли?
Унесу и надежность друзей,
И ничтожества боль и порывы,
Чтобы снова понять, что мы живы
Неизменностью Высших идей.
Пусть уйдут суета, маета,
Пусть рассеются в зыбком тумане.
Пусть останемся вечно мы с вами.
Пусть наполнит сердца красота!

Когда своё качаешь право
Самоуверенно и браво,
Забыв про долг, забавно, право...
Прислушайся к тому, кто справа!

Недоверием мучают плоть,
Разрывают сомнением бесы.
Я шепчу: «Помоги мне, Господь,
Пусть они в мою душу не лезут!»
Тьма густеет, не видно ни зги,
Только Храм, как надежда, белеет.
Я молю: «Помоги, помоги,
А иначе тоска одолеет».
Одолеют немые грехи...
Ни надежды, ни теплого взгляда...
Уведи от страстей и стихий,
Пусть рассеются призраки ада!»

Нагромождение – содом
Слов, знаков, изречений.
Их не понять простым умом.
Подумаешь, что гений.
Хотя возможно увидеть,
Подумав непревратно:
Им просто нечего сказать.
Вот – пишут непонятно.

Другу

Э. Г. Бутакову

Ты ушёл не прощаясь, ушёл навсегда.
Снегом плакали сосны, качаясь.
И уже без тебя зажигалась звезда.
Почему ты ушёл, не прощаясь?
Свет печальный струила луна на погост,
И мерцала звезда тусклой свечкой.
Вечер с ночью шептался, слетая с берез
На пригорке печальном за речкой.
Как в ночи поезда, пролетают года,
Светом фар нашу боль освещая.
Как смириться, что ты не придёшь никогда?
Почему ты ушёл, не прощаясь?!

Весь яд черных слов отправляя в полёт,
Ты душу бессмертную губишь.
Ты любишь того, кто тебя предаёт,
А кто тебе верен – не любишь.
Прозреньё наступит, потерей стегнув,
От боли душа содрогнётся...
Не плачь, пред иконами спину согнув.
Увы, ничего не вернётся.

Моя отдушина – стихи.
Между пороков и стихий,
Где всё так злобно и убого,
Прошу прощения у Бога,
Что я умею так немного.

Не тронь бессовестных людей!
Они не стоят злого взгляда.
Сердиться можно на друзей,
На всяких-эдаких – не надо!

Э. Бутакову.

Где ты сейчас, мой старый друг,
Над облаками или выше?
Земной тебе не слышен звук?
И мне твой голос не услышать.
Всегда благое сеял семя
(Такими держится страна),
И разве же твоя вина,
Что жил в оболганное время!
Гармонии и красоты
Ты даже мыслью не нарушил,
Из маеты и пустоты
Ты сотворял живую душу.
В астрале маешься сейчас
Иль звездочкой стремишься к свету?
Твой образ в памяти у нас.
Благодарю тебя за это.

Современному ветии

Не строчи ты пулемётом –
Попадёт, не попадёт...
Эхом, грязью из болота –
Рикошетом слово бьёт.
Словоблудие, как буря,
Поднимает кверху пыль.
Твоё слово – пуля-дура,
Не пшеница, а ковыль.
Обессилит, утомляет...
Только толку – ни на грош.
Наш народ всё понимает.
Его чушью не пробьёшь!
Слово мудрое весома.
Ты подумай и проверь:
Слово – точность хромосомы,
Словно снайпер – прямо в цель!

От сладкого – возносится душа.
От горького вина немеют губы.
А жизнь проходит мимо не спеша...
И где же вы, серебряные трубы?
И как несовместимость совместить?
И быть свободной, и иметь «плечо»?
Не подличать, не лгать, по правде жить,
И птицу счастья изловить еще!
Уметь ценить порядочных людей –
Великий дар, нам посланный с небес.
Так среди благ, довольства и сладостей
Мы любим хлеб ржаной и зимний лес.
Ненасытный зверь земных желаний,
Человек – и подлый, и святой...
Осветли мне сердце, мирозданье
Чистой и сияющей звездой!

Как сквозь строй, прохожу через омут
Черной зависти, злобы и тупости.
Не привыкну никак, хоть знакомы мне
«Чудеса» человеческой глупости.
Очень больно за всех «обыдленных»
То ли ленью, то ли природой.
Перестройкой, как пена, выдавленных
На поверхность мутной свободы.
Боже праведный, дай же мне свечку,
Чтобы сжечь бесовскую чуму.
Слово правды «глухих» не лечит.
Не пойму я никак, почему?

А. С. Пушкину

За пуншем, с милыми друзьями,
Предвидя свой короткий век,
Он, как жонглер, играл словами,
Их превращая в фейерверк
Блестящих словосочетаний,
Звучащих музыкой любви.
Скрывал глубокие познания
В шифровки мудрые свои.
Он сердце вынул перед нами,
Как Данко, путь нам осветил...
Острословесил в эпиграмме.
Шутя, бессмертие дарил.
А сам падучею звездою
Прорезал тёмный небосклон...
Он и сейчас со мной, с тобою –
Застенчив, нежен и влюблен.

Пишу играя. Сомневаюсь, написав,
Копаясь в недомысленных словах,
Упорствуя, перемогая боль,
Понять стремлюсь, где «соль», где «си-бемоль»?
В многоголосье душу истязая,
Хочу дойти до призрачного рая,
Но у порога нищенкой стою,
Вериги натянув на плоть свою.
Упорно направляю вдовий взор
В высокий и заоблачный забор.
К созвучиям, где истина играет...
Но недоступен смертным облик рая.

*Посвящается
отцу моему И.А. Амунову
и его поколению*

Так банально и просто,
Напрямки – вопреки.
Холодеющий остов,
Трюм, «зк», маяки...
Снова этот «усатый»
На «гашетку» нажал...
(Как мне жаль вас, ребята!)
Грязь, решетки, провал.
«Воронки» да вагоны
На Восток, на Восток.
Все. Уходят колонны
Без обратных дорог.
То ль холмы, то ль могилы
По бокам, по бокам,
То ль оставлен, без силы,
На съеденье волкам?
Где вы, тысячи лучших,
Умных, смелых, родных?
Век железный замучил.
Точка! Нет запятых.
Под лежневками сваи
Землянично гниют,

Да травой прорастает
Ваш последний приют.
Ни кольца, ни записки –
Никакого следа
Вас, любимых и близких...
Никогда... Никогда...
Стонут мемориалы
В черных списках утрат.
Память ждать перестала.
Нет дороги назад.
Ни поднять, ни воскреснуть.
Грубо порвана нить.
Так живите же в песнях,
Чтобы вас не забыть!

Белое
Уж не радует ноги

Листьев спелая медь.
Вдоль железной дороги
Скачет белый медведь.
Хрустко-снежные елки
В ожиданье стоят.
Белонежные волки
Потихоньку шалят.
Неприкрытые скалы...
Бледным клином – луна
Дарит песни Уралу,
Синей тайны полна.
Что там ждет – ожидает?
Лес... дорога... Февраль...
Зимней сказкой сияет
Серебристый хрусталь.

Осеннее
«Отцвели уж давно хризантемы в саду...»

И кажется, что жизнь несется мимо,
И мы с тобой уже не так нужны.
Но ярко полыхают георгины,
И хризантемы белые нежны...
Кто скажет мне, куда уходит жизнь
Смеющейся девчонкой в белом платье?
Вдруг осень раскрывает нам объятия,
И позади остались рубежи.
Но мудрость украшает нам седины.
И внуки, как цветы среди зимы.
Пусть радостно сияют георгины.
И пусть, как хризантемы, будем мы!

Быть спокойным, не лгать, не лукавить,
Научиться врага полюбить.
Воспитать и потомкам оставить
Светлой совести тонкую нить.

Назначение наше не ново –
Оставаться собой до конца,
Чтоб, как свечечки, в мире суровом
Сохранить дорогие сердца.

Маргарите Бутаковой

Веками застывшая мудрость –
Седые утёсы твои.
Урал мой! Земля нашей юности,
Ты край моей первой любви!
Уносятся сани, заблудятся
В еловой таёжной глуши...
И в буднях опять позабудется
Волненье воскресшей души.
Луннеют снега безответные.
Баюкают ели в тиши.
Где ж ты, дорогое, заветное,
Откликнись, явись, напиши!

Лихановым, Бутаковым

Мы – поколение крушенья
И идеалов, и страны.
Мы поколение внушенья.
Что Божий свет – законы тьмы.
Мы поколение героев,
Палаток, БАМа, целины,
Цехов горячих, новостроек
И свежих роз среди зимы.
Мы опрокинуты и смяты.
Нас вроде снегом замели...
Друзья, романтики, солдаты,
Вернее: просто соль земли!
Растаяв, воплотится слава.
Забудут, вспомнят ли про нас?
У нас – Великая Держава.
А что у вас?

Не умоляю, не прошу любить.
Как с осенью зима, прощаюсь с Вами.
Ведь можно виртуально с Вами быть,
Чтоб мыслить, чтобы говорить стихами.

Пусть думаете Вы не обо мне,
На мой звонок уже не возгораясь,
Словами тлеете в спокойной тишине,
«Позолотить пилюлю» не пытаюсь.

Вот так. Но все же... Все-таки... О том...
Далеком, несомненном, сердцу милом,
Наверно, вспоминаете потом?
О том, что дремлет под душевным илом!

Не загорится? Думаете? Все же
Не обессудьте и не пожалейте...
(Что в нашем мире нежный звук жалейки,
Коль нас «тяжелый рок» достать не может!)

А вдруг случится все наоборот,
Жалеечка окажется нужнее?
А, впрочем, ладно, кто нас разберет!
Словами сложно, в мыслях мы сильнее...

Нелепое веление судьбы
Заслуженно, как видно, правит нами.
Что ж, я Вас оставляю без борьбы.
На солнце иль впотьмах – живите сами...

Вот только жаль, что память вечно с нами.

Стал мир пустым, и дышит тишина
Случайно позабытыми духами.
Да флоксами, омытыми дождями,
Играет подгулявшая луна.
От запаха кружится голова
Напоминая о далеком сне.
Но пусть звучат волшебные слова
Мне – не о Вас, а Вам не обо мне.

В переливах осеннего сада,
Под разливами жёлтой мечты
Я тебе говорила: «Не надо»,
Но зачем же послушался ты?
Долго молча стояли, наивно
Презирая душевную боль.
А вокруг полыхала так дивно,
Улыбаясь над нами, любовь.
Как янтарики, листья светились
Оселенные луной...
Этой осенью снова приснилась
Та далекая встреча с мечтой.

Пустой набор вполне банальных слов.
Как дешёво купить меня ты хочешь!
Сменяя солнце непробудной ночью,
Лишая романтических оков.
Уж я не та, сквозь золотистый флер
Вокруг себя смотревшая когда-то.
Подумай, я ли в этом виновата,
Что ясно вижу, где вино, где вата –
Интриг твоих затейливый узор.
Могу лишь равнодушно изучать,
Как в шахматы, в любовь с тобой играя
И замысел твой тайно презирая,
Твоей души колдовскую печать.
Я вижу всё. Но лучше промолчать.
Не ты ли охлаждал души огонь?
(Как долго он горел, не угасая,
Обманы и обиды все сжигая!)
Так было, но сейчас меня не тронь!
Зола годится лишь для удобрения,
Чтоб новые цветы смогли расти.
Ни радости, ни горести, ни мщенья
Во мне уж не осталось. Всё. Прости.

Любовь – Божественное чудо!
Нужна, как воздух, как вода.
Она приходит ниоткуда.
Она уходит в никуда.

В.М.

Горы одеты были в оранжевые рябины.
Им напевала Горняжка песню про зимние сны.
Двое стояли молча. Осень летела мимо
Так равнодушно . И было еще далеко до весны.

Двое не понимали, что навсегда расставались,
За ледяными улыбками пряча глаза свои.
Больно, незримо, яростно их сердца разрывались.
Но, против воли, гордость стала сильнее любви.

Рвали они небесное – то, что даровано Богом,
Гордости, обиды ли тупым и тяжелым мечом.
Юные и беспечные, они ведь не знали о многом:
О том, что уже не вернется счастье небесным
лучом.
О том, что бывает однажды, и никогда – потом.

В. М.

Мелькают чётками года,
Но эта память – навсегда:
Рассыпавшихся синих бус
И ягоды-черники вкус.

А мне б туда! А мне б туда
Вернуться, хоть на пять минут!
Да вот, не ходят поезда...
А ягоды черники ждут

И рук твоих, и губ моих,
И слов: «теперь уж навсегда».
И нас, счастливых, молодых...
Но мимо нас летят года...
Летят, уносятся года.

В.М.

Это старое платье –
Нежность шёлковых струй,
Не в твоих ли объятьях
Первый был поцелуй...
Как же ты износилось,
Постарело, как я.
Где Он, светлый и милый,
Боль и нежность моя?
Всё не так, стало строже
Перезвонами лет.
Ты ему, если сможешь,
Передай мой привет.

Мы все возвращаемся к первой любви,
Кто в мыслях, а кто в «Одноклассниках».
И вновь распевают в душе соловьи,
А жизнь – ощущение праздника.
Старинный напев, раздувающий жар
Из тлеющих в сердце углей –
Из памяти вдруг разгорелся пожар
Желаний, признаний, страстей.
Но каждому, вроде, понятно,
Что нету дороги обратно:
Заела жизни суета,
И я не тот, и ты не та.
Хотя в глаза мне посмотри –
Они расскажут, что внутри
И ты все та, и я все тот,
Душа волнуется, поет,
И наша юность в нас живёт!

В.М.

Цветы и ливни, нежный свет берез,
Рука к руке не смеет прикоснуться,
Трава сверкает капельками грез...
А я боюсь, а я боюсь проснуться...
Полночный дом в бессоннице немой.
Фенозепам – испытанное средство.
Я позабыла то, что ты не мой,
Мальчишка из приснившегося детства.
Березы тихо плакали в ночи.
А мы с тобой стояли и молчали.
Минуты превращались в «кирпичи»,
Что больно бьют, а мы с тобой не знали...
Не знали, как болит и стонет боль,
В гордыне солью раны посыпая,
Что эту боль совсем не лечит соль,
Две слившиеся души разрывая.
Так просто: развернуться и уйти...
Ты не сказал мне вслед: «постой, постой...»
Остался перекресток позади.
Прости меня, я снова сыплю соль.
Ты промолчал. И ночь не помогла.
А поезд ждал... И годы проносились.
Гасила фонари слепая мгла.
И навсегда мы даже не простились...
К моей руке любимая рука,
Как в юности, не смеет прикоснуться,
В асфальте мокрому тонут облака...
А я боюсь, я не хочу проснуться.

Ты – неведомая звезда.
Не звоню, не надеюсь на чудо.
Я пишу тебе – в «никуда»,
Я зову тебя – «ниоткуда».

Ты говоришь: «Правдива ты до глупости,
Наивна, словно столько не жила».
Свидетельство твоей душевной скупости –
Убогие бесцветные слова,
Не отличившие добра от зла...
Или они меняются местами?
Но в этом виноваты лишь мы сами!

Как я хочу, чтоб ты мне написал!
Чтоб жар душевный в жанр эпистолярный
Преобразил «магический кристалл» -
Тот светлый дух, витающий в Вселенной.
Мысленно в окно мне постучись
Росной веткой утренней сирени!
В легком и летучем сне явись,
Воплотись и выйди из забвенья.
Повтори слова, что прошептал
Голосом, волнистым от волненья,
Все, что ты тогда не досказал...
Напиши, хотя б стихотворенье!
Но не верят нынче в сновиденья...

Давай с тобой придумаем любовь
И вырастим, как «аленький цветочек».
Из двух обыкновенных одиночеств
Мы создадим сияющую новь.
Построим счастье – два листа опавших,
Так много весен в жизни потерявших,
Попробуем – из осени в весну!
Душевную покрасим седину
В цветную гамму грез, воображенья.
Уйдет тоска, унынье, невезенье,
И в сердце застучит живая кровь.
Откроются глаза для красоты –
В душе забьет энергия мечты...
Возможно ль это? Может быть и да,
Да только получилась ерунда!
Не ожили бумажные цветы.
Не разгорелись вновь ни я, ни ты.

Маргарите, Валентине, Виталию

В симфониях снежной метели
Я слышу волшебные сны.
Пусть наши костры отгорели,
Но памятью души полны.
Ведь я ничего не растратил
Из давних летающих слов,
Из робких весенних объятий,
Из песен у юных костров.
Недлинные в марте метели,
И я не тяжёл на подъём.
Пусть наши костры отгорели.
Есть спички, мы снова зажжем!
Тебе улыбнусь я – «держиись»!
Споём «Бригантину», как прежде,
И вновь заволнуется жизнь
И руки протянет к «Надежде».

Ю.Р.

О нет, ни от чего не отрекаюсь,
Я просто не люблю Вас, «Дон Жуан».
Зачем мне этот чувственный обман,
В котором, непременно, я раскаюсь.
Вы ж на мои «небесные мечты»
Навесите бумажные цветы.
Лишь месяцы пройдут, а не года,
Слиняет с них раскраска, что тогда?

Любовь, словно дикая лошадь.
Ее не поймать. Не взнуздать!
Попробуй ее обуздать –
Она тебя быстренько сбросит!

Ты отважен и осторожен,
Ты стремителен, как стрела.
Я – косуля, ты – волк. О, Боже,
Разве этого я ждала?
И чувствителен был, и робок.
В символических тех мирах
Покорил невозможное, чтобы
Воссиять, развеявши страх.
Сочетанье противоречий
Превратив в гармонию проб,
Я мечтаю о новой встрече,
Разбивая хрустальный гроб.
За колонной, где сердце Шопена,
Что в соборе «Святого Креста»,
Мы встречаемся неизменно,
И в душе поёт красота,
Превращается в неизменность,
Воплощается в дивный звук.
В удивительную нетленность,
В золотое сплетенье рук.

Медузами вяло кусаясь,
Жемчужно играет волна.
Мы молча сидим, не касаясь
Той темы, чем чаша полна.
О, сколько стихов и мечтаний
Скрывают глубины твои!
Твоя нераскрытая тайна –
Как вечная тайна любви.
Какая бескрайняя нежность!
И дальний закат не погас.
И льётся твоя неизбежность
И в небо, и в море, и в нас.

Мучительна, как странный сон,
Уничтожающий и белый,
Где патология предела
И счастье скачут в унисон.
Катализаторы любви
Выматывают беспощадно –
Высокомерно иль площадно –
Все чувства лучшие твои.
И почему не любим мы
Тех, кто не сделает нам горько,
А любим призрачно и стойко
«Подснежников среди зимы».
А если мудрость оттеснит
Души мятежные метанья –
Больное сердце долго спит
На жёстком ложе из страданья.

Любви цветущие мгновенья...
Как мне тебя постичь, понять.
Достоинство и всепрощенье
Как гармонично сочетать?
Себя забыв, в тебя поверить.
И восхищаться, и страдать,
Всю чашу горькую измерить –
И вновь надеяться. Прощать!
Ждать бесконечно, словно Сольвейг,
И без надежды, и без слов...
Так совершить душевный подвиг,
Чтоб возвратилось счастье вновь,
Как добрый дождь кустам сирени,
Как тёплый огонёк в ночи...
Придёт и станет на колени,
В слезах колени обмочив.
И оживёт и затрепещет,
Душёвным светом, не таясь,
И сердце радостью заплещет,
Как день, ликуя и смеясь.
Как бриллианты водопада,
Чтоб полной грудью петь и жить,
И людям вянущего сада
И свет, и радость подарить!

Завяли флоксы, лишь один
Огнём цветенья полыхает.
Он холода не понимает
И потому – непобедим!
Уже давно прошла весна,
И песни брачные пропеты,
А у моей любви – всё лето.
Всем вопреки, жива она!

Ко мне в окошко заглянул цветок
В холодное и пасмурное утро,
Как будто теплой радости росток,
Улыбка нежная судьбы как будто.
Смотрю я, улыбаясь, на тебя.
Чего хочу – сама не понимаю,
Но что-то дорогое вспоминаю,
Как сквозь туман, мечтая и любя:
Вдруг взгляд блеснет улыбкою летучей,
Как солнышко сквозь снеговые тучи!

Я ветер, и нежный и чистый –
Не буря, не ураган,
Приникну я свежим бризом
К уставшим твоим ногам.
Но ежели буря грянет
И море поднимет горой,
Щитом я титановым встану
Меж бурей и тобой.

Мне запомнилась Ваша улыбка
И немое смятение взгляда...
Расставание было ошибкой
Под довлеющим вечным «так надо»!
Если сердца безумный порыв
Остановит молчание взгляда –
Серой немочью тает нарыв.
Но зачем? И кому это надо?
И откуда оно, не из ада ль
Это вечное, злое – «так надо»?
Я никак не пойму, почему?
И кому это всё-таки надо?

Я ничего не требую взамен,
Я Вас люблю безмерно, безкорыстно,
Необозримо, радостно и чисто,
Как солнце, без претензий и измен.
Моя любовь светла, как Божья искра.
Вы далеко, но есть невидимая нить,
Что связывает родственные души.
Когда живое дикий ветер сушит ,
Вы – мой оазис, мне без Вас не быть.

Меня уберегли твои стихи
От непонятных приступов печали,
Когда иные «призраки» молчали
В созвездиях «строфы» или «строки».
Они, как предзакатный легкий луч,
Овеянный вечерним легким бризом,
Пробившийся из-за тяжелых туч
Небрежным, но волнующим эскизом.
Взмахнув руками, догоню волну,
В надежду погружаясь, словно в воду,
Стихи печали превращая в оду,
Воспевшую покой и тишину.
Такую песню волны мне запели!
Сверкает в сумерках морской вокзал...
А вдруг пересекутся параллели?
Ведь Лобачевский это доказал...

Я – не фон Мекк, Вы – не Чайковский.
Другое время, путь иной.
Но почему же так не просто
Мы с Вами связаны судьбой!
Созвездия в летящем мире –
«Телец» и «овен». Как в кольце.
Вдвоем – все проще, глубже, шире...
Наш гороскоп – «овен в тельце»
Все приближенья, расставанья
Обогащают, как скрижаль.
Для нас большие расстоянья
Как Богом посланная «жаль».
Что это? Мудрость или чудо?
Без словоблудия страстей
Единомыслие – откуда
На перепутьях жизни всей?
Осенних снов великолепье,
Весенний радостный дурман...
Какой Великий это лепит?
Где истина, а где обман?
Не сожалею и не плачу,
А как умею, так несучу
Короткой встречи неудачу,
Разлуки нежную красу.
Я – не фон Мекк, Вы – не Чайковский,
Так почему же мы с тобой
До звезд, до боли, до погоста
Единой связаны судьбой!

От тебя ни письма, ни словечка..
Снежный вечер закатом облит.
С тихим шепотом топится печка,
Словно сказку на сон говорит.
Мне спокойно смотреть, размышляя,
Как сухие поленья горят:
Философия очень простая –
Здесь тепло отдается назад
То, что дерево раньше питало,
Поглощалось зелёной листвой.
Солнце щедро тепло отдавало
И берёзке, и ёлке лесной.
А сейчас, этот свет возвращая,
Греют душу сухие дрова.
О тебе мне грустить запрещаю,
Уголёчками пишут слова:
То тепло, что тебе отдавала,
Неожиданно мне возвратишь.
Как Пер Гюнт к своей Сольвейг, обвалом,
Ты приедёшь, придёшь, постучишь.

Слова литые, эллинский овал...
Какая сила нас с тобой сковала?
Кукушка уж потом накуковала
Энергии сиреневой обвал.
Мечта разбилась о высокий вал
Житейской пены грязносерых клочьев.
Какой же злой волшебник напроорочил
Тот, впереди, пугающий провал!
Небесное с земным соединить
Без Божьей помощи не могут люди.
И по ветру летят клочки от судеб.
И рвется та невидимая нить,
Которая вилась за небесами,
Чтоб нас с тобой навек объединить.
Её тогда мы разорвали сами.
Прости, прости, нам некого винить!
Была гармония души и тела.
И был порыв и к светлой выси взлёт.
Его, как птицу, подстрелили влёт:
Безжалостно, жестоко, неумело...
Но, вопреки всему, она живёт!
Исчезла боль, зарубцевались раны...
И верю я, что поздно или рано
Отправится в сверкающий полёт.

В. Л.

Ухожу, ухожу от тебя –
Пусть рассеется скользкий туман!
Прогоняю я самообман,
Не жалея, ничуть не скорбя.
Там без солнышка вянут цветы.
Без мелодии песня была,
Жгла горячая небыль-зола.
Все звучало: не ты да не ты!
Ухожу, убегаю, и пусть
В одиночестве, но без потерь,
Голубая окутает грусть.
Крепко-крепко закрыла я дверь.

Осознанность приходит через боль,
В страдании гордыня исчезает.
Пусть тебя спасет моя любовь,
Как в зной оазис путника спасает.
Пусть прикроет ангельским крылом
Тоскливо остывающую душу,
И страх прогонит, и слезу осушит,
Овеет теплым летним ветерком
Воспоминаний светлых и счастливых.
Наполненные радостные дни,
Когда «души прекрасные порывы»
Мы воплотили в жизни, как смогли,
И «сеяли» совсем не для наживы.
Мы с Блоком и с Цветаевой дружили,
Чтоб не погаснуть и не утонуть,
К литературе пробивали путь,
Чтоб «слово» до народа донести
И от «неверия» себя спасти,
Унылой серости, где жизнь без смысла.
Мы были молоды и безкорыстны
(И потому совсем безкомпромиссны!)
Мы разлетелись, как осколки льда
Разбитой Родины – и кто куда...
Сумели вынырнуть и жизнь начать сначала,
Зализывая раны и ожоги.
Но преданная юность не смолкает,
И выжигает душу мрак тревоги.
Так под асфальтом корчится трава,

Стремится выжить, к свету прорасти...
Так мы метались в поиске пути,
Кидая безнадежные слова.
А коршун наблюдал да не спеша,
Как билась в клетке светлая душа
И в будущее закрывалась дверь...
Где ты теперь, и где же я теперь?
Но, все-таки она, любовь, жива.
И к небу пробивается трава,
И в дело воплощаются слова,
Казавшиеся мертвыми сперва.
И пусть тебя спасет моя любовь,
И старая мечта воскреснет вновь,
Тебе поможет в выборе пути.
И жизнь сумеет снова расцвести.

Увидеть Вас, хотя б одним глазком –
И пусть наступит ночь и равнодушие,
И все – потом, потом, потом, потом...
Как сбросить безысходности удушье?
Скрутили и навесили замок,
Но рвутся путы и вино играет,
Тяжелый снег, как напряженье, тает,
И у весны есть тысячи дорог.

Твои глаза печальны и тревожны.
Что знаешь ты, чего не знаю я?
Слиянье параллелей невозможно
В неверных перекрестках бытия?
Под ветром травы, как морские волны.
О чем поёт их шелковый прибой?
Той музыкой, высокой, нежной, полны
До краешка сегодня мы с тобой.
Хоть песню спеть без слова невозможно,
И мысли скрыть, сказав слова, несложно.
Ведь не от слов кружится голова,
А от того, что спрятали слова.
Немые звёзды излучают нежность,
И наполняют паруса мечтой ветра,
И нас с тобой несут...Куда? В безбрежность?
Забытые сегодня клипера.

Разочаровываюсь всеу
В тех, кем душою дорожу.
То по «небесному» тоскую,
То вновь к «земному» прихожу.
Интуитивное прозреньё
Закрытых истинных причин
Высвечивает наважденье
И серый прогоняет сплин.
Душа надеется, светлеет
И спорит с разумом глухим.
Вдруг понимаешь, что важнее:
Обиды ядовитый дым
Молитвой чистою развеять
И, с осветленною душой,
Там семена добра посеять,
Где раньше рос бурьян глухой.

Потонула деревня в снегу,
Серой тряпкою небо нависло.
Я к тебе убегу, убегу...
Жаль, что это возможно лишь в мыслях:
Только в ярких, цветастых мечтах,
Где кусаются морем медузы,
Открываются медленно шлюзы,
Отплывая, свистят клипера.
Шлюзы нашей далекой любви,
Где возникла волшебная искра...
Ты меня позови, позови...
День проходит и сумерки близко.

Обида мгновенна –
Она улетает,
Но боль от нее во вселенной
Растет и не тает.

Не побывали «за чертой»
Под грузом нравственных запретов –
И разминулись мы с тобой
И в жизни «той» и в жизни «этой».

Уйдёшь – скажу спасибо за любовь,
За то, что в праздник превратились будни,
За чудо первозданных полнолуний,
За то, что в памяти навечно будет,
И расцветет мудреющая новь.
Смог понимать и мыслить научить,
И видеть в крохе меру и пространство,
Найти зерно вмещения информации,
Прощать и каяться, и полюбить,
И неземное созидать, творить.
«Любовь» и «собственность» нельзя соединить –
Они друг друга просто исключают.
И в буднях чувства, как снежинки, тают,
И растворяется невидимая нить,
Что две души в одну объединяет.
Я выбираю: не «иметь» – «любить»!

Всего душа вбирает понемногу:
И золото некошенных полей,
И таинство нехоженных путей...
Потом несёт свои сомненья Богу.

Куда уходит первая любовь?
В весенние цветы, в росу, в прохладу...
Ей не сказать: «не уходи, не надо!» –
Она ручьем весенним утечет.
Потом приходит новая любовь,
Созревшая, как плод осенней вишни.
Она не спросит, но войдет неслышно –
Рекою бурной жизнь перевернет.
А после обессилеет душа,
Запутавшись в сомнениях и вере...
Ах, жизнь моя, ты тем и хороша,
И грусть, и счастье давшая без меры.

Внукам Алексею и Анастасии

Чтение – наркотик на всю жизнь.
Раз подсел – уже не оторвешься.
И душе сердечно отзовется,
И подскажет: «Ну-ка, друг, держись!»
А друзья из детства – навсегда:
Женя и Тимур, Олег и Овод,
Равик – до распятия Христова...
И не предавали. Никогда!
«Надо умных классиков читать», –
Написала Вера Котенева.
В этой простоте своей, как знать,
Гениально прозвучало слово.

Анастасии

Гармонии! Меж светом и теплом,
Между любовью, грустью, безрассудством...
Мы тычемся своей душою русской,
Но нужных мер никак не подберем.
Всегда друг другу воздавать добром,
Все непокорное в себе сжигать рассудком –
Не получается сиюминутно,
О сказанном мы каемся потом.
Как часто мы проблемы создаем,
Чужое чье-то осудив коварство.
Так с непрощенной болью и живем –
Ведь от душевной раны нет лекарства.
Хотя, не так. Помилуй и прости!
Когда к Тебе возносится молитва,
Я вижу указатель на пути,
И затихает огненная битва.
И если сможешь страсти обуздать,
То на душу нисходит благодать.

Непротивление злу насилием?
Добро должно быть с кулаками?
Что верно здесь? Какою силою
Понять, что делать с дураками!
Да ведь не просто «дураки» –
Подонки, подлецы, невежды...
Какие «белые одежды»
Нас защитят от их руки?
Сильны не силою ума,
А наглой лжи, интриги вонью.
Их злоба зависти полна,
Мозг – тупости, язык – злословья.
Как сохранить спокойным дух,
Достоинство и жить по правде,
Когда они клеветают вслух,
Взывая к сплетням и к неправде.
Что делать здесь: ответить, промолчать,
Достоинство не защищая,
Или спокойно сдачи дать?
Или уйти, не отвечая?
Глаза поднявши к небесам,
В рот не глядеть тупому зверю.
«Отмщенье – мне, и Аз воздам».
Я это знаю, в это верю.

У меня другая правота –
Не материальная основа.
С ней иду, и отступает снова
Наглости слепая темнота.
У меня иная правота:
Не оспаривать глупца и гада.
Тщетны фарисейские тирады,
Мелких распрей мышья суета.
Алчности и жадности порок
Как, мой друг, я с детства презираю!
Зависти и грубости – не знаю,
Не пускаю их за свой порог.
У меня такая правота –
Все, как есть, без красок и тумана.
И когда в душе открылась рана –
Я прошу о помощи Христа.
Я прошу о мудрости Софию,
Дать надежды, веры и любви,
Выстоять всегда, в любой стихии.
Силы духа дай и помоги!

Твой голос

В нем майского ландыша нежность,
Вечернего моря игра,
В нем яркость, радушие, свежесть
И прелесть ночного дождя.
В нем сила хрустального звона,
Весеннего неба капель,
В нем хвойная свежесть озона,
То флейта поет, то свирель.
В нем бархат вечернего платья,
В нем зов, обещанье весны.
Он – сказки волшебной объятье,
Ведущей в прекрасные сны.
Его ни обнять, ни потрогать,
Ни взять, ни толкнуть – ничего.
И надо мне очень немного –
Лишь слышать и слушать его.

Этот дом головою поник,
Словно брошенный всеми старик.
Окна пустые да крышу дырявую
Прикрывает лишь ива кудрявая.
Разрослась, словно дикая слива...
Много видела старая ива:
Здесь когда-то смеялись и пели,
Пили, радовались, рожали,
Соловьиные слушали трели...
От нужды в города уезжали.
Здесь осталась лишь старая мать
Письмеца да кончинушки ждать.
Ах, какая немая тоска,
Душно, скучно и больно в груди.
Бесконечный тоннель – впереди,
Только свет – позади. И не жди,
Даже свечки никто не зажжёт.
А тоска всё гнетёт и гнетёт.
Лишь о жизни далёкой, счастливой
В лунном облаке светится ива,
Вспоминая в немой полудрёме
О дыханье живущего дома...

А вы-то и вправду решили,
Что меня насовсем приручили?
Да. Я давала вам лапу,
Как дворовая ваша собака.
Я ваши руки лизала,
Но вам было этого мало!
Вы не знали, вам и не снится:
Я в душе не собака – волчица!
Едкий порох – зеленый мой глаз –
Лишь притушен, но не угас.
Господи, как это мило...
Что, сильно вас удивило
То, что я с цепи сорвалась,
Что оскалила волчью пасть?
На свободе! Да хоть и пропасть...
Вот и кончилась ваша власть.
Я вам честно дом сторожила,
Не выслуживалась – служила,
Посягнули вы на святое –
Унижать мою честь не стоило!
Как лучисто искрится снег,
Как прекрасен он, мой побег!

Тропиночка в сторону... Нет, не звезда,
Раздваивался ответ:
Сердце кричало, конечно же, «да»,
А разум твердил «нет»...
А Вы замолчали, где-то вдали,
Хотя и глаза в глаза,
Но в ваших глазах фиалки цвели,
Которым цвести нельзя.
Цикуту ли, воду ли выпьем до дна.
Засветится – через года.
Я выбрала жребий – осталась одна,
Хотя бы и навсегда.
Не вянут фиалки в ваших глазах,
А в сердце моем цветут
Небесные ландыши... (пусть и «нельзя»)..
Но что же поделаешь тут.

По-вашему, быть гражданином –
Это громить магазины,
Это орать на площади,
Какой президент нехороший?
А, по-моему, быть благородным,
Работать на благо народа!
Нравственная свобода –
Жить по законам Бога!

Когда это было?
И было ли?
Осталась словесная пыль.
Придумала ли, забыла ли?
Смешались и небыль и быль...

Земляника на поляне,
На нескошенном лугу...
Прикоснуться бы губами –
Наглядеться не могу.

Этот зов, душистый, дикий!
Разомлевшая, иду
Я с лукошком земляники,
Словно в сладостном бреду.

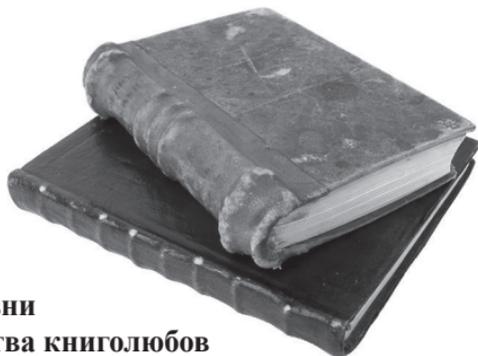
Теплым светом, чье сиянье,
Как огромные цветы,
Напоило мирозданье и деревья, и кусты.
Вся душистая полянка

В красных капельках весны.
Одинокий плач тальянки
Заблудился у сосны.
Не меня ли ожидает,

Не меня ли он зовет,
И тропинка луговая
Не к нему ль меня ведет?
Не меня ли радость ждет!

Я не хочу «любимой быть другим» –
Я жить хочу, пока любима Вами.
Ни голосом, ни песней, ни словами
Не передать тот образ, что мы чтим.
Над нами Ангел крылья распустил,
Как белые эфирные одежды...
Но Вас забыть, остаться без надежды?
Нет-нет! Ведь это свыше сил!
Любить, в противоречии с собой,
И знать, что в перспективе безнадежность,
Но как же душу освежает нежность,
Как летний дождик усыпляет зной.
Пришла весна и разлилась ручьями.
Какой плотиной их остановить?
И как порвать нервующую нить,
Сковавшую незримыми цепями!
Моя, зовущая тебя, душа,
Как перламутра листьев трепетанье,
В глубокой тайне бережет признание,
Дождем любви пролиться не спеша...
Все поле незабудками блестит –
Упали с неба капельки лазури.
Пусть впереди паденья, взлеты, бури,
А птица счастья все-таки летит!

ФОТОАЛЬБОМ

**Из жизни
общества книголюбов
города Жетыгары
Кустанайской
области (Казахстан)**

*Я смотрю: вы такие разные
И похожие чем-то – свои!
Будьте счастливы, люди прекрасные!
Дорогие друзья мои!!!*

Друзья-книголюбы после литературного вечера,
посвященного творчеству М.Ю. Лермонтова

Ведущая мероприятия
Т.А. Михайлищева

Ведущая мероприятий Нэлли Амунова

Постоянные участники заседаний
общества книголюбов

Литературно-музыкальный вечер «Звени, гитара!»

Литературно-музыкальный вечер «Звени, гитара!»

Розыгрываются подписные издания.
Ведущий – Егоров Владимир Евгеньевич

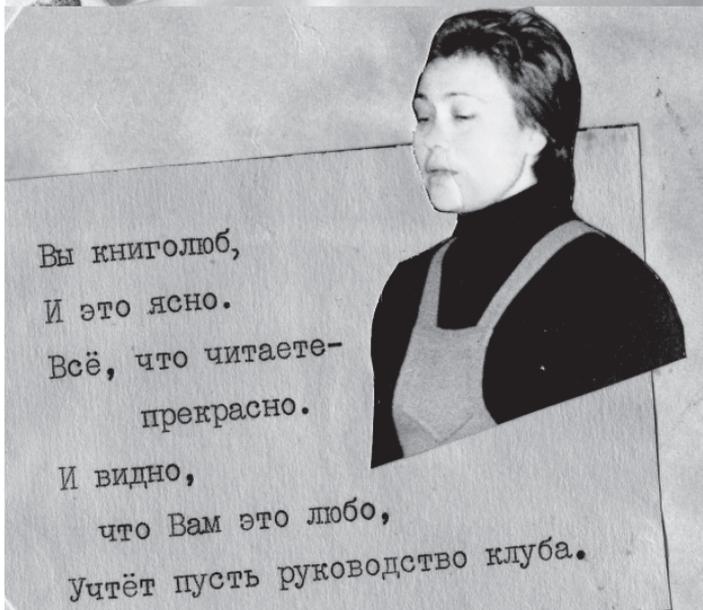
В те времена литературные вечера собирали полные залы

Вечер, посвященный творчеству Сергия Есенина.
Вдущая Светлана Стищенко.

А вот и зритель благодарный
Не только...
И участник он.
Ведь каждый здесь приобретает
И мир большой,
и красоту,
И книг любимых высоту.

Вы книголюб,
И это ясно.
Всё, что читаете—
прекрасно.
И видно,
что Вам это любо,
Учтёт пусть руководство клуба.

Вечер, посвященный творчеству Василия Шукшина

Вечер, посвященный творчеству А.С. Пушкина.
Ведущая Нэлли Амунова

Книголюбь-друзья...

Анатолий Даниленко и Нэлли Амунова –
ведущие многих литературных вечеров

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ДАНИЛЕНКО.

Когда-то посвятил влюбленный Блок..... 3

Нэлли АМУНОВА.

Я за тобой пойду, как за крестом.....4

Анатолий ДАНИЛЕНКО

Раздумья при встрече старого Нового года6

Уж давно проводил и весну я, и лето8

Шуты. Ледяной Дом9

На Площадь Красную их вышло семеро.....17

На горе и счастье я рос на войне.....20

Крез.....30

Караимы.....33

Мой папа.....37

Возможно ль полюбить придурка?.....39

Персики.....42

Россия для русских?.....43

С рождения мой первородный грех.....	48
Когда-то мне сказал один узбек.....	54
Паша Ангелина.....	56
Свадьба внучки.....	58
На Алтае, у лесной глуши.....	60
Я был среди товарищей – теперь среди господ.....	61
Есть желание – быть прочитанным.....	62
Мы все уйдем, кто поздно, а кто рано.....	64

Нэлли АМУНОВА

Как научиться всепрощенью.....	66
Поэты над временем дышат.....	67
Друзьям-поэтам.....	68
Серое.....	69
Где вопли, проклятья, где пена у рта.....	70
Не сомневаясь, без предубежденья.....	70
Ох, как эта извращенная «свобода».....	71
Не слышу голосов, дающих строчки.....	71
Ты перестала двигаться вперед.....	72
Жалоба старого человека.....	73

Как было одиночество желанно.....	74
Не разбираясь в мелочах.....	74
Бессмысленно, всеуе, страдая.....	74
Степью. Лесом. Путник одинокий.....	75
Я, как травинка у обочины.....	76
Я не эстет, пишу почти что прозой.....	76
Ликуют бездари. Таланты исчезают.....	77
Смирись и ничего не говори!.....	77
Баба-Яга.....	77
Как змеиную кожу, грехи.....	78
Когда свое качаешь право.....	79
Недоверием мучают плоть.....	79
Нагромождение – содом.....	80
Другу.....	80
Весь яд черных слов отправляя в полет.....	81
Моя отдушина – стихи.....	81
Не тронь бессовестных людей!.....	81
Где ты сейчас, мой старый друг.....	82
Современному ветии.....	83
От сладкого – возносится душа.....	84
Как сквозь строй, прохожу через омут.....	85

За пуншем, с милыми друзьями.....	86
Пишу играя. Сомневаюсь, написав.....	87
Посвящается.....	88
Белое.....	90
Осеннее.....	91
Быть спокойным, не лгать, не лукавить.....	92
Веками застывшая мудрость	92
Мы – поколение крушенья.....	93
Не умоляю, не прошу любить.....	94
Стал мир пустым, и дышит тишина.....	95
В переливах осеннего сада.....	95
Пустой набор вполне банальных слов.....	96
Любовь – Божественное чудо!	97
Горы одеты были в оранжевые рябины.....	97
Мелькают четками года.....	98
Это старое платье.....	99
Мы все возвращаемся к первой любви.....	100
Цветы и ливни, нежный свет берез.....	101
Ты – неведомая звезда.....	102
Ты говоришь: «Правдива ты до глупости.....	102
Как я хочу, чтоб ты мне написал!.....	103

Давай с тобой придумаем любовь.....	104
В симфониях снежной метели.....	105
О нет, ни от чего не отрекаюсь.....	106
Любовь, словно дикая лошадь.....	106
Ты отважен и осторожен.....	107
Медузами вяло кусаясь.....	108
Мучительна, как странный сон.....	109
Любви цветущие мгновенья.....	110
Завяли флоксы, лишь один.....	111
Ко мне в окошко заглянул цветок.....	111
Я ветер, и нежный и чистый.....	112
Мне запомнилась Ваша улыбка.....	112
Я ничего не требую взамен.....	113
Меня уберегли твои стихи.....	113
Я – не фон Мекк, Вы – не Чайковский.....	114
От тебя ни письма, ни словечка.....	115
Слова литые, эллинский овал.....	116
Ухожу, ухожу от тебя	117
Осознанность приходит через боль.....	118
Твои глаза печальны и тревожны.....	120
Разочаровываюсь всеу	121

Потонула деревня в снегу.....	122
Обида мгновенна.....	122
Не побывали «за чертой».....	122
Уйдешь – скажу спасибо за любовь.....	123
Всего душа вбирает понемногу.....	123
Куда уходит первая любовь?.....	124
Чтение – наркотик на всю жизнь.....	124
Анастасии.....	125
Непротивленью злу насилием?.....	126
У меня другая правота.....	127
Этот дом головою поник.....	129
А вы-то и вправду решили.....	130
Тропиночка в сторону... Нет, не звезда.....	131
По-вашему, быть гражданином.....	132
Когда это было?.....	132
Земляника на поляне.....	133
Я не хочу «любимой быть другим».....	134
ФОТОАЛЬБОМ.....	135

**Анатолий Даниленко
Нэлли Амунова**

**РАСПАХНИТЕ
В ПРОШЛОЕ ОКНО...**

СТИХИ

Редактор Никита Богорадов

Корректор Нэлли Кладова
Вёрстка – Пётр Гасев

Издательство РОСА
Главный редактор Сергей Галиченко
т. 8 905 675 80 75

Российское общество современных авторов
309580, Белгородская обл.,
г. Старый Оскол, а/я 1156,

e-mail: 885533@mail.ru
<http://art-rosa.ru>

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Garamond. Усл. печ. л. 6,13
Тираж 124 экз. Подписано в печать 27.10.2014 г.
Заказ № 172. Отпечатано в типографии «Квадрат».
309504, Белгородская обл., г. Старый Оскол,
пр-т Комсомольский, 73.

ISBN 978-5-905922-33-6

